

АНДРЕЙ ЗЕМЛЯНОЙ

ОТМОРОЗКИ:
ДРУГИМ ПУТЕМ

Боевая фантастика (АСТ)

Андрей Земляной

Отморозки: Другим путем

«АСТ»

2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Земляной А. Б.

Отморозки: Другим путем / А. Б. Земляной — «АСТ»,
2017 — (Боевая фантастика (АСТ))

ISBN 978-5-17-102704-9

Начало двадцатого века, Первая мировая война. И трое наших современников с крайне непростой судьбой, брошенных в этот кипящий котёл. Что будет? Как сказал один из героев нашей истории: «Не так всё было. Совсем не так».

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-102704-9

© Земляной А. Б., 2017
© АСТ, 2017

Содержание

1	6
2	17
3	32
4	41
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Андрей Земляной

Отморозки

Другим путем

* * *

Оформление обложки *Бориса Аджиева*

© Андрей Земляной, 2017

© Борис Орлов, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

1

На германском фронте продолжают бои. На Северо-Западе немецкое наступление остановлено на рубеже р. Дубиссы.

На участке фронта в районе р. Оржиц и Лыдыня 30 июня (даты по ст. стилю) германские войска предприняли наступление силами до корпуса. 1-я, 2-я сибирские стрелковые и Сибирская казачья дивизия отразили наступление, не дав немцам продвинуться более чем на километр, несмотря на сильный артиллерийский огонь.

Военная хроника. Газета «Русский инвалид»

АФИНЫ, 17(30).VI. В понедельник утром английский крейсер бомбардировкой совершенно разрушил склад керосина в Листа, близ Смирны. Вслед затем тот же крейсер подошел к Чесме, потопил находившийся там парусник и с успехом обстрелял турецкие позиции близ города.

ЛОНДОН, 17(30).VI. «Times» сообщает:

Крейсер «Гесар» 14 июня бомбардировал порты Чесму, Лидию и Аггелию на азиатском берегу, против Хиоса, и уничтожил склады снарядов и керосина на Лидии и таможню на Аггелии.

В Чесметурки расстреляли 2000 винтовочных обойм, поддерживая огонь против крейсера, но без всякого результата. (ПА).

САЛОНИКИ, 17(30).VI. С Митилены сообщают:

В этом море прервано всякое сообщение. Турки поставили здесь большое количество мин, чтобы помешать действиям подводных лодок.

Греческое население на побережье Мраморного моря сильно страдает, вследствие обвинения его турками в доставке бензина на подводные лодки. (ПА).

«Русское слово», Июнь 1915 г.

«Немцев не вожу»

15 июня легковой извозчик, следуя с двумя седоками от Балтийского вокзала, заявил, остановив лошадь, полицейскому чину, что он не желает ехать дальше, так как седоки говорят по-немецки. Седоки предъявили документы в том, что они высылаются в Германию, присовокупив, что следуют на Финляндский вокзал. Последнее подтвердил и извозчик, но все-таки попросил освободить его от немцев даже без какой-либо платы за часть проезда. Немцам пришлось нанять другого извозчика.

Газета «Петроградский листок», 15 июня 1915 г.

– Желаю здравствовать, господин подполковник – Крепыш штабс-капитан с жутко изуродованным шрамами лицом привычно бросил руку к фуражке.

Дивизионный врач улыбнулся одними губами и ответил на приветствие:

– И вам доброго здоровьица, Глеб Константинович. Искренне рад вас видеть, – покривил он душой.

Лицезрению штабс-капитана Львова он совершенно не радовался: «Нет, офицер – по всем статьям! Не красавец, так с лица воду и не пить, а вот все остальное – мое почтение!

Из гвардии сам попросился в армию, – подполковник Раевский уж постарался навести самые точные справки, – и не потому, как проигрался или, упаси Господь, что-то порочащее офицерскую честь, а исключительно по зову сердца и долга. На Балканскую войну отправился. А после в гвардии восстанавливаться не стал, что характеризует Глеба Константиновича со стороны самой наилучшей. И воевал хорошо: „Станислава“ с мечами и „Владимира“ с мечами честно заслужил. Но только вот говорят о нем нехорошее. Будто бы звереет господин Львов в бою, человеческий облик теряет».

Владимир Семенович Раевский полагал себя врачом опытным, да и успел насмотреться на то, что с людьми война делает – японскую кампанию от первого до последнего выстрела в действующей армии прошел. И потому не без оснований полагал, что «накатило» на штабс-капитана после того ранения. Осколком снаряда зубы повыбивало, лицо разворотило, да и контузия, опять-таки... Вот тогда-то все и началось: узрел Глеб Константинович в зеркале «ряд волшебных изменений милого лица»¹ и взбесился. Солдаты от его муштровки стонут, офицеры шарахаются.

Недавно вот снова учудил. На дне ангела заместителя командира полка принялся капитан Вельцбах о своих родственниках в Германии рассказывать. Нет, понятно, что пьян Вельцбах был до положения риз, но надо же иметь и уважение к родственным чувствам. Неприятно ему в своих по крови стрелять. Все с пониманием отнеслись, уж и забыли, а тут Львов эдак с улыбочкой, которая на его лице вовсе звериным оскалом смотрится, и говорит:

– Благодарю вас, господин капитан. Теперь буду знать, что на правом фланге у меня – потенциальный предатель... – Потом возвел очи горе и добавляет, словно бы про себя, но так, что всем слышно: – Надо бы там отсечную позицию оборудовать...

И добро бы просто сказал. Вельцбах тогда покричал, попробовал даже Глеба Константиновича на дуэль вызвать, но его успокоили быстро. Владимир Семенович лично ему в рот два лафитника шутовского влил – он и успокоился. Даже похрапывать принялся. Вот только на следующий день Львов свое обещание выполнил и поперек траншеи отсечную позицию отрыл. Даже рогатку с проволокой откуда-то раздобыл и траншею-то и перегородил.

И так со всеми. Даже со своим товарищем по юнкерскому училищу, штабс-капитаном Лисовским, не ладит. Хотя и вежлив и, как говорят господа англичане, корректен, а нет-нет да и прорвется такое, что оторопь берёт.

И вот же случилось, что племянница Владимира Семеновича – Зоя Карташева, набившаяся в сестры милосердия прямо в его лазарет... Впрочем, тут уж нечего против истины грешить: Раевский сам ее к себе забрал. Все ж под приглядом. А то перед сестрой нехорошо вышло бы.

И вот эта самая Зойка-шалунья, стрекоза Зойка, которую он знал с пеленок, умудрилась влюбиться в это чудо-юдо морское. И ни на какие уговоры не поддается. «Он очень интересный человек! Он очень смелый человек! И вообще: я его люблю!»

Правду сказать, Львов – партия не из последних. Хоть и дальний, а родич князьям Львовым, и, говорят, что ворожат ему где-то там, в эмпиреях... И честен, не пользуется дурным девичьим чувством, во всяком случае – пока. Но вот не лежит у него душа к этому штабс-капитану. Не лежит, и все тут!

Объект же нелюбви господина Раевского тем временем поцеловал Зойке кончики пальцев, обнял ее на прощание и угнездился в седле подведенного ротным ординарцем коня. Еще раз помахал рукой своему «предмету» и потрусил нескорою рысцей в сторону передовой. Раевский с неодобрением посмотрел ему вслед, потом с таким же неодобрением взглянул на лучащуюся счастьем Зойку, но тут же позабыл обо всем, так как в этот самый момент ему доложили о прибытии давно заказанных лекарств. Владимир Семенович отправился к стоявшим поодаль

¹ Строка из стихотворения А. А. Фета.

от палаток санитарным повозкам с красными крестами на беленных известью бортах и совсем позабыл о своих недавних размышлениях.

А виновник тягостных раздумий дивизионного врача подполковника Раевского в этот самый момент ехал вдоль набитой сотнями повозок колеи и предавался совершенно другим размышлениям, хотя и тоже весьма тягостным.

Основной его мыслью было: «И как же это меня угораздило?»² Жил себе, жил, никого не трогал... почти... иногда... Нет, все-таки разумного объяснения тому, как мужик хорошо за пятьдесят, счастливый муж, отец и дед вдруг в одночасье оказался на фронте Первой мировой. «Шел, споткнулся, упал, ударился головой. Очнулся – ... ФРОНТ!» И ведь самое обидное, что почти так оно и есть...

Глеб Константинович Львов извлек из кармана портсигар с массивными золотыми накладками, вытащил папиросу, чиркнул спичкой и закурил. Машинально протянул портсигар ординарцу:

– Будешь?

– Премного вам благодарны, Глеб Константинович, – младший унтер-офицер чинно принял папироску, замолотил кресалом по кремню, раздул фитиль и тоже окутался клубами сизого табачного дыма.

В отличие от своего командира, ординарец не утруждал себя особыми рассуждениями. Станный у них ротный, ну да и бог с ним. Солдатешки, знамо дело, стонут от евойных приди-рок, но больше для виду: кормёжка в их роте самая-пересамая, сапоги у всех целые, шинелки – тоже. И попусту класть своих их благородие сам не станет и другим не дает. Так что хоть и постанывают солдатика, а скажи кто из чужаков хоть слово против их командира ротного – пущай Господа благодарит да ангелов-заступников, коли зубы в горсти не унесет! А то! Небось вся рота видела, как их благородие артельщика мордовал за прокисшую капусту. Так отделал – ого! В иной деревне конокрада легче бьют. А напоследок макнул их благородие штабс-капитан болезного мордой в прокисшие да вонючие щи и держал там, покуда тот едва-едва не сварился! С той поры его солдатешки сильно зауважали.

А что с придурью штабс-капитан, так оно и ничего. Известно – барин. А у бар всегда придурь какая ни на есть, а сыщется.

Вот взять хотя бы, как он в ординарцы попал. Ехал себе, ехал в Белгорайский полк, а тут их благородие возьми да и подвернись. Постоял-постоял, потом ушел куда-то, а потом и приказывают: собирай, мол, свои пожитки, да вот с их благородием и ступай. Оказалось, что их благородие Глеб-то Константинович его у ротного в карты выиграл. И как-то так запросто сразу с ним стало – даже удивительно! Опосля уж как-то не выдержал, спросил: зачем я, мол, вам понадобился-то, вашбродь? А Глеб Константинович только усмехнулся эдак да и говорит: «А усы, мол, мне твои приглянулись. Тебе, – говорит, – еще бы бурку да папаху...» Вот и знай-понимай: не хочет сам говорить, а коли так – так тому и быть. Чай, не поп – их благородие не исповедую.

Тем временем штабс-капитан Львов отбросил окурок и снова погрузился в воспоминания. Вот шел себе человек слегка навеселе от старого друга, да еще и сослуживца-однополчанина в придачу. Шел себе, шел – и надо ж ему было ввязаться в разборки каких-то малолетних преступников. Двоих свалил, а потом ка-а-ак дали по голове – аж в глазах потемнело.

Проморгался – здравствуй, ..., Новый год! Прет на тебя какой-то бешеный реконструктор в прусском фельдграу образца одна тысяча девятьсот четырнадцатого года, да еще и норовит штыком в животе поковыряться. А штык у него ни хрена не резиновый, а самый настоящий, стальной. Как увернулся, сразу и не вспомнить, а в руке что-то тяжелое как раз оказалось

² Фраза из мультфильма «Лягушка-путешественница».

– этим-то тяжелым и двинул реконструктора в висок. Аккурат под обрез кожаного шлема с пикой.

Тяжеленная штукавина в руке оказалась пистолетом маузер, а при нажатии на спуск выяснилось, что он еще и заряжен. А вокруг месились... никакие это не реконструкторы! В натуральной траншее шла рукопашная между бородачами в форме русской армии и какими-то гадами в немецкой форме. Прежде чем он успел сообразить, что собственно происходит, рука сама подняла маузер, и двое прусских гренадеров отправились на встречу с создателем.

Дальнейший бой помнился плохо, урывками. Он кого-то бил, от кого-то уворачивался, куда-то бежал... Это потом, уже после, молоденький прапорщик с окровавленным рукавом кителя поинтересовался: почему вместо привычного уставного «За Веру, Царя и Отечество!» господин штабс-капитан извоили бешено вопить: «За Родину! За Сталина!»? И кто, собственно, такой этот Сталин?

Выяснилось, что умелыми действиями штабс-капитан Львов не только остановил атаку противника, но и перешел со своей ротой в контратаку, ворвался на плечах отступающего противника во вражеские траншеи, захватил два пулемета и три десятка пленных, в том числе двух офицеров. Во всяком случае, именно так был написано в представлении к очередному «Стасику». Только получить он его тогда не успел. На следующий день схлопотал по морде куском снаряда. Хорошо хоть, что жив остался...

Вернулся в свой полк лишь зимой, заодно раздобыв себе в роту нового ординарца. Услышал, как кто-то в воинском эшелоне окликнул своего товарища, и встал как вкопанный. Еще бы, такая фамилия! А уж когда выяснил, что и имя-отчество совпадают... Ну кто бы тут устоял? Выцыганил будущего героя гражданской войны у его комроты, и вот – он теперь рядом едет. Еще бы его комиссара отыскать... хотя он, кажется, на фронте в Империалистическую не воевал.

А вообще-то жить здесь можно. Правда, неохота за Николашку Кровавого воевать, но... там видно будет, как оно дальше сложится. Зато вот Зоенька – это нечто. Как в свое время завидовал герою «Юнкеров» Куприна, а тут – вот оно! Чистенькая такая, нежная барышня, романтическая и... да и сексуальная, чего уж тут. Ладно, уже недолго осталось: еще неделька, много – две, и крепость падет. С открытыми воротами...

В этот момент сзади что-то гроыхнуло. Раз, другой, а потом... Потом на землю сошел ад...

Борис Владимирович Анненков, есаул четвёртого сибирского казачьего полка, ехал в расположение госпиталя, чтобы свидеться с сестрой милосердия Антониной, и тоже размышлял о бренности бытия.

Размышлял о том, как вообще получилось так, что он, полковник и вообще заслуженный человек, полез вытаскивать мальчика, залезшего в трансформаторную будку в их дворе. Мальчишка вполне живой сидел в углу будки, а перед ним бушевал шар плазмы от выгорающего трансформатора.

Того парнишку он выкинул наружу, зацепив за ногу, а вот сам не успел.

Очнулся на койке в госпитале, куда его предшественник по телу загремел, получив лёгкое пулевое ранение и контузию. Ранение было лёгким, а вот воспаление и последствия одного – вполне тяжёлыми.

Рефлексии и метания вообще были не свойственны полковнику Рябинину. И, оказавшись в теле есаула, он тоже не стал бегать по палате, заламывая руки, а спокойно и аккуратно перебрал по кусочкам всё, что досталось ему от памяти прежнего владельца, собираясь провести весь отпущенный ему век не в доме скорби, а вполне деятельно и активно.

Есаул командовал сотней в составе полка, и командовал неплохо, судя по состоянию дел в подразделении. Казачки были сыты, одеты по нормам, и даже патронный голод не слишком

свиристельствовал. Конечно, за время лежания в госпитале дела слегка пошатнулись, но, прибыв домой в полк, он быстро навёл порядок.

Позиционная война, к которой скатилось противостояние на германском фронте, заключалась в редких атаках и контратаках, а чаще в обстрелах и попытках укрыться от таковых в глубоких окопах.

Пулемётов в сотне не было вовсе, а дивизионная пулеметная команда имела лишь двенадцать вьючных пулеметов, которые пока подготовят к бою – уже новый бой начнется. Если, конечно, будет кому начинать...

Артиллерийский дивизион – полковых пушек гениальные стратеги царской России просто не предусмотрели! – две батареи по восемь орудий, вот только гаубицами казаков не наделили. Впрочем, как и все остальные дивизии Российской империи. А трехдюймовками много не добьешься...

Вот так и воевали, изводя население собственных стран в бессмысленных атаках сквозь колючую проволоку под треск пулеметов и хлопки мосинских, маузеровских и манлихеровских винтовок...

За прошедшие полгода он успел поучаствовать в деле уже несколько раз и заработал себе репутацию безрассудно смелого офицера, в частности за один случай, когда лично уничтожил десяток ворвавшихся в разбитый окоп германцев, стреляя с двух рук. Но вообще бывший полковник Рябинин старался не отсвечивать, вживаясь в новый для себя мир и осваивая новые отношения. Для него было немного дико, что офицер запросто мог измордовать солдата за любую провинность, а их питание и обмундирование было вообще вне интересов командиров рот, батальонов, эскадронов и сотен. Те в основном проводили время за потреблением спиртного, игрой в карты и разговорами ни о чём.

А новый Анненков вместо этого стал потихоньку учить своих солдат. Для начала отобрал десяток метких стрелков и, выбив для них новые, с ещё не расстрелянными стволами, винтовки, заставил пристрелять и во время атаки огонь этого десятка прикрывал роту эффективнее пулемётов.

Потом навёл маскировку на всё хозяйство сотни, особо прикрыв открытые блиндажи и огневые точки. Казаки сначала бурчали на придурь командира, заставившего их рыть укрытия не только для себя, но и для лошадей, но когда в старый загон сотни ударило сразу два снаряда, задумались...

Еще есаул ходил со своими казаками за линию фронта. Сперва – изредка, потом – все чаще и чаще. Из таких набегов казаки приносили трофеи, которые весьма ценились: винтовки и пистолеты, мясные консервы, мед и варенье, по которым успели соскучиться, немецкий шнапс, коньяк, а еще – пресные галеты, которые обожали их лошади. Но самым главным трофеем был бесценный опыт.

Начальство смотрело на эти набеги как на причуду, а то и на придурь, но не мешало и не запрещало. В конце концов – война. Вот разве что иной раз смущали казачьи рассказы о том, как их благородие «...ка-а-ак даст ерманцу в ухо с ноги, а тот так и сомлел. А уж опосля господин есаул, щепочек нащипавши, принялся расспрашивать ерманского лефтенана, а ён поперву тильки орать, но потом усе доложил, ага. Ну и отмучилси...» Но на подобное предпочитали закрывать глаза: разведка – вещь нужная, а охотников³ – вечный некомплект. Ну и пусть себе ходит есаул Анненков врагов резать, коли ему охота. Все ж Отечеству на пользу... Анненков постепенно приобрел славу офицера боевого и грамотного, только нравом уж больно крутого да повадками страшноватого...

³ Охотниками в Российской Императорской армии именовали разведчиков.

И вот теперь он ехал в дивизионный госпиталь, рядом с которым располагалась мастерская, чтобы забрать маузер-98, к которому оружейники должны были прикрепить оптический прицел. На эти прицелы пришлось распотрошить два телескопа артиллерийской разведки: трофейный и отечественный⁴. Немецкий телескоп Анненков затрофеил при налете на вражескую гаубичную батарею, а русский банально спер у зазевавшихся артиллеристов. Они его до сих пор ищут...

По результатам испытаний есаул собирался заказать ещё десяток таких винтовок, благо, что самих маузеров в роте было предостаточно. Немцы стабильно снабжали их оружием в местах стычек или любезно отдавали в своих окопах. Проблема с оптикой тоже решалась: мастер обещал попробовать использовать немецкие артиллерийские или офицерские призматические бинокли, которые опять же можно отыскать в немецких же окопах... Ну, и повидать Антонину Платоновну Анненков тоже собирался. Соединить, так сказать, приятное с полезным...

Гул самолётов в небе застал его в каком-то полукилометре от палаточного городка. Четыре немецких биплана пытались оторваться от настигающих их «Ньюпоров» с эмблемами Российской армии.

«Интересно, а что собираются делать наши славные летуны, когда догонят немцев? – усмехнулся про себя Анненков-Рябинин. – Все „еропланы“ безоружные, летчикам только и остается друг в дружку из пистолетов и карабинов палить... И толку?»

Но тут он ошибся. Один из русских самолетов обошел неуклюжую немецкую этажерку сверху, и от него вниз потянулась какая-то веревка. Авиатор решил использовать самое страшное оружие воздушного боя – металлический трос с якорем-кошкой на конце. Русский пилот пытался зацепить этим вундерваффе своего немецкого коллегу за крыло, фюзеляж или еще что-нибудь – одним словом, разрушить самолет противника.

К огромному изумлению Бориса Владимировича, нашему летчику удалась его затея. Что-то такое он у немца оторвал, что у того сложилось одно крыло, и самолёт нелепо закувыркался к земле.

Впечатленные зрелищем, уцелевшие немцы решили максимально облегчить самолеты, и вниз посыпались бомбы...

Немецкий наблюдатель, сидевший в корзине аэростата «Парсифаль», увидел взрыв и кинулся к артиллерийскому дальномеру, установленному тут же, в гондоле. Засек расстояние, аккуратно перенес на карту и взялся за трубку телефона:

– Они нашли русский штаб, герр майор! – прокричал он с еле сдерживаемым удовольствием. – Наши аэропланы нашли штаб русских и обозначили бомбами его местоположение. Записывайте координаты... – И после того, как кончил диктовать, прибавил: – Спускаю вниз пенал с картой, герр майор!

– Отлично, Шальк, отлично, – раздался искаженный динамиком голос майора Боймера. – Продолжайте наблюдение и корректируйте нашу стрельбу.

Восемнадцать пятнадцатисантиметровых гаубиц sFH-02⁵, несших на своих стволах гордую надпись «UltimaRatioRegum» – «Последний довод королей», приготовились начать пристрелку. Громыкнула правифланговая гаубица – с «Парсифаля» пришло сообщение: «Перелет». Второй выстрел. Небесный наблюдатель сообщил: «Вилка. Недолет». Майор Боймер поднял руку и скомандовал:

⁴ Телескопом в начале XX века называли не только астрономический прибор, но и подзорную трубу, укрепленную на штативе. В артиллерийском телескопе на линзу объектива дополнительно наносилась сетка прицеливания.

⁵ 15 cmschwereFeldhaubitze 1902 (нем.) – 15-сантиметровая тяжёлая полевая гаубица 1902 года; германская тяжёлая гаубица времён Первой мировой войны, разработанная в 1902 году и заступившая на службу в 1903 году.

– Внимание! Прицел тридцать пять! Заряд полный! Три снаряда беглым! Стрелять по готовности! ОГОНЬ!!!

Несмотря на то, что и сами бомбы были отвратительного качества, и было их немного, одну палатку госпиталя они все-таки умудрились превратить в кровавое месиво. Но это ровно ничего не значило по сравнению с тем, что случилось несколько минут спустя.

Казалось, что в расположении лазарета разверзлась земля и началось извержение вулкана. Все заволочло дымом и пылью, вверх взлетали столбы огня и земли, и ад мог показаться чудесным тихим уголком в сравнении с расположением полевого госпиталя семнадцатой пехотной дивизии.

Грохот взрывов заставил жеребца шарахнуться в сторону, но есаул дал шенкеля и вытянул коня нагайкой. Обиженный скакун всхрапнул и рванулся вперед.

Выскочив на открытое место, Анненков на мгновение замер: ни лазарета, ни мастерской просто не существовало. Вокруг некогда тихой зеленой поляны теперь стояли какие-то жуткие обломки, похожие на осколки гнилых зубов. «Это деревья под обстрел подвернулись, вот их и посекло», – сообразил Рябинин и огляделся.

Вместо ровных рядов брезентовых палаток теперь – лунный ландшафт. Курятся дымом здоровенные – метра в два в глубину – воронки. Остатки повозок, какие-то разбросанные железки... На месте хирургической палатки, где Тонечка ассистировала как хирургическая сестрица, обрывок брезента с нашитым красным крестом и...

Борис Владимирович заскрипел зубами так, что жеребец Бокал испуганно присел, захрипел и попятился. С обрывков брезента на Анненкова смотрела голова сестры милосердия Антонины Платоновны Савельевой: чистенькая, ладненькая головка в кипенно-белой косынке с кокетливым красным крестиком. Из-под косынки выбивался непокорный локон и спадал на маленькое розовое ушко. Вот только больше ничего у Антонины не было...

Словно откуда-то через вату до есаула донеслись яростный мат и стрекот авиационных двигателей. А потом...

Анненков с несколько отрешенным «боевым» удивлением увидел пехотного штабс-капитана, который прыжками мчался к опрокинутой двуколке, волоча за собой пулемет. Пехотинец с перекошенным от ненависти и многочисленных шрамов лицом натужно хэкнул, рванул тяжеленный «максим» вверх и взгромоздил его на колесо лежащей на боку повозки. Сбросил стопор вертикальной наводки, откинул крышку и быстро заправил ленту, до того болтавшуюся у него на шее.

Борис Владимирович не успел еще подумать, что сейчас у штабс-капитана перекосит ленту, как сам уже оказался вторым номером возле пулемета. Руки приняли брезент, пальцы быстро пробежались по головкам патронов...

– Ну, бл..., держитесь! – тугая длинная очередь ударила вверх, и рой пуль прошёл сначала чуть ниже «Альбатроса», а через секунду догнал его, превращая летательный аппарат в подобие костра. Было видно, как пилот пытается сбить пламя, а потом вдруг от охваченного огнем самолета отделилась маленькая фигурка и камнем рухнула вниз, к земле.

– Что, фриц, катапульта не сработала?! – зло проорал штабс-капитан.

– Лево, девять часов, – не обратив внимания на слова неизвестного зенитчика, сообщил Анненков и тут же слегка вздрогнул, сообразив, что сейчас может и раскрыться. Таких команд в этом времени еще не отдают...

Но штабс-капитан не заметил непонятной команды, или же наоборот – хорошо понял ее звериным чутьем бойца. Он резко повернул пулемёт на импровизированном вертлюге в указанном направлении и принялся «нащупывать» второй самолет. Через несколько секунд тот полого заскользил, теряя высоту, и за ним потянулась пухлая ниточка дыма...

Последнему самолету повезло. Несмотря на старания Анненкова, лента дала-таки перекос, и пока штабс открывал крышку, устраняя задержку, уцелевший немец скрылся за верхушками деревьев.

А вокруг уже начиналось шевеление выживших. Нестроевая команда растаскивала обрывки полотна – искали выживших, а чудом уцелевшие раненые бродили призраками по бывшему лазарету, пытаясь осознать, что с ними произошло.

Штабс-капитан еще какое-то время держался за рукоятки «максима», затем повернулся к Анненкову:

– Есаул, – хрипло вытолкнул он изо рта. – Скачите в штаб семнадцатой пехотной, сообщите, что нашему госпиталю песец пришел. Толстый такой...

С этими словами он повернулся и пошел куда-то. Борис Владимирович не стал его догонять. За свои жизни казаком Анненковым и полковником Рябининым ему доводилось видеть людей в таком состоянии. Сейчас штабс-капитан может и генералу в морду дать, и государя императора пристрелить, ежели они – не дай им бог! – под горячую руку подвернутся...

– А чего это он там про катапульту говорил? – ни к кому не обращаясь, спросил есаул, вскочив в седло. – Или это мне померещилось?

Сидя в передовой линии окопов и рассматривая передний край немцев в бинокль, Анненков не мог отделаться от мысли о странном штабс-капитане. То, что он тоже попал, как и есаул, не в своё время, было понятно. И мужик, видно, боевой. Но вот раскрываться перед ним есаул не торопился. К этому его приучили годы службы в разведке, когда одно случайное слово могло стоить жизни десяткам человек.

После артиллерийского налета на госпиталь Анненков-Рябинин думал недолго, но плодотворно, и весьма. Ему не составило большого труда убедить командира полка полковника Михайловского в том, что необходимо провести очередную разведку на немецкой территории. Разведданные необходимы всегда и лишними попросту не бывают. Оставалось лишь согласовать свой выход за линию фронта с командиром шестьдесят шестого полка семнадцатой дивизии полковником Симансоном⁶.

Давида Петровича Симансона на месте не оказалось: он отбыл в штаб дивизии по вызову командующего дивизией генерала Стремоухова. Но начальник штаба полка, подполковник Рыбальский⁷, милостиво разрешил поиск. Сославшись на занятость, он предложил есаулу самому согласовать свои действия с командиром роты, на участке которой поиск и будет иметь место. Ну, а дальше – дело техники. За бутылку хорошего коньяка капитан Вельцбах⁸ согласился пропустить казацких пластунов, поразился, что есаул пойдет сам, один, пожелал удачи и больше не вспоминал об этом.

И вот теперь, одетый в простую солдатскую гимнастёрку и подпоясанный ремнём, на котором висели два нагана и длинный острый «алтайский» нож, бывший полковник наконец наметил себе примерную трассу и, бросив наказному: «ждать», беззвучно канул в темноту.

Ночью в это время ещё не воевали. Точнее, воевали, но мало, редко и неуспешно. А вот есаул, знавший о ночной войне если не всё, то очень многое, был тут словно рыба в воде. Обошёл окопчики наблюдателей, с лёгкостью миновал сначала одну, потом другую линию траншей и через час вошёл в лес, за которым и находилась та самая артиллерийская батарея. Легкая волчья рысь совсем не утомляла тело, и ещё через час он уже лежал у опушки, наблюдая за ночной жизнью немецких артиллеристов.

⁶ Симансон Давид (1859–1933) – русский генерал, первый главнокомандующий латвийской армией. С 1912-го по 1915 год – командир 66-го Бутырского полка.

⁷ Рыбальский С. Н. (1872–1917) – русский офицер, полковник, погиб во время неудачного наступления летом 1917 года. В описываемый период – начальник штаба 66-го Бутырского полка.

⁸ Реальное лицо. Погиб в 1919-м, сражаясь в рядах войск Юденича.

– Край непуганых идиотов... – тихо произнёс он, глядя на то, как сложены ящики со снарядами, а также на ленивую расслабленную охрану из трёх солдат, стоявших в совершенно нелогичных местах – разумеется, с точки зрения офицера двадцать первого века.

Труднее всего было найти палатку командира, но, резонно предположив, что та будет находиться в некотором отдалении от солдатских, есаул с третьей попытки обнаружил искомое.

Майор Боймер спал сном человека, достойно выполнившего свой долг, и сладко похрапывал в темноте. Он так и не проснулся, когда широкий и острый словно скальпель клинок вошёл ему в сердце. Самым трудным оказалось отпилить саму голову от брентного тела, но опыт не подвел, и, аккуратно разделив шейные позвонки, есаул справился вполне быстро и даже не слишком запачкавшись.

Некоторое время он потратил, оставляя сюрпризы для артиллеристов, и вскоре уже двинулся в обратную дорогу.

Заметив шевеление на том участке, где он переходил линию фронта, Анненков взял вправо и решил выйти к своим через другое подразделение.

Спрыгнув в окоп, подсвеченный парой керосиновых ламп, остановил вскинувшего было винтовку часового окриком «Свой!» и огляделся.

Давешний штабс-капитан сидел в отнорке и деловито набивал маузеровские обоймы патронами, что-то тихо выговаривая своему вестовому.

– Какая встреча, господин штабс-капитан, – есаул улыбнулся. – А что вы тут, собственно, делаете, когда все приличные люди спят?

– Я вот тоже хотел у вас это спросить, – ворчливо отозвался офицер и внимательно посмотрел на гостя. – Это вообще-то моя позиция, и окопы мои. А вот что *вы* тут делаете, это вопрос. Не просветите?

– А вы никак за ленточку собрались? – проигнорировав вопрос, насмешливо поинтересовался есаул, глядя на приготовления штабс-капитана. – И с какой же, простите, целью? Не посчитаться ли с одним туповатым артиллеристом?

– А хоть бы и так! – с вызовом бросил ротный. – Останавливать будете?

– Нет. Не буду. Только смысла в той прогулке немного, – Анненков широко улыбнулся и, сдёрнув с плеча сидор, бросил его под ноги неприветливому офицеру. – Всё уже украдено до вас.

Глеб Константинович Львов, в далеком прошлом будущем – Лев Николаевич Маркин, сидел на дне траншеи и смотрел вслед ушедшему есаулу. Это вот он случайно сейчас сказал, или?.. Да нет, не может такого быть! Мало ли что этот казак скажет...

Офицер развязал оставленный сидор и тихонько охнул. Оттуда выкатилась голова. Отрезанная. В полотняных подусниках, так популярных у прусских офицеров. Еще бы! Сам кайзер такие пользуется.

Кроме головы, в вещмешке обнаружилась залитая кровью офицерская фуражка, вырванные с мясом погоны немецкого майора, судя по маленьким значкам – артиллериста, и какие-то документы. При неверном свете четырехлинейной военной лампы Львов шепотом прочитал:

– Майор Фридрих фон Боймер, командир тяжелого полевого дивизиона...

– Вашбродь, это хто ж таков будет... был? – поинтересовался ординарец.

Он как-то очень спокойно отнесся к отрезанной немецкой голове, словно бы все шло так, как и надо.

– Надо полагать – тот самый гад, который сегодня наш госпиталь разнес, – тихо ответил Глеб Константинович. – Ох, ё-о-о-о... Только раз такое видел. В Сербии. Все надеялся, что больше и не доведется.

И он снова задумался. М-да, вот так вот жизнь поворачивает: не успел отскочить – придавит на хрен! Ну, кому мешало, что он жил себе и жил? На работе – инженер, дома – тихий,

спокойный подкаблучник при любимой жене, любимых же детях и обожаемом внуке, у которого даже первый зуб прорезался...

И ведь стал уже забывать, что когда-то командовал своим бойцам «Напред! На нож!»⁹ или старательно выщеливал кишинёвских пулеметчиков и афганских духов... Все это было... было... и прошло. Только вот теперь пошло по кругу... Б...ь!

– Э-эй, штабс-капитан! – негромкий оклик из темноты.

Перед ним появился тот самый есаул. Вот только... Пластун, что ли? Два нагана, у пояса... финка?! И без шашки... М-да, вот такой вот «самый обычный» есаул. Твою дивизию!..

– Я тут у тебя мешочек оставил, – и короткий смешок. – Может, вернешь?

Львов напрягся, а потом неожиданно для самого себя выдал:

– Махнем не глядя, как на фронте говорят?

Есаул на эту подначку никак не отреагировал, а просто молча протянул руку. Львов собрал все «трофеи» в мешок и уже готовился передать его казаку, когда тот неожиданно сказал, чуть прищутив глаза:

– Я дам вам «парабеллум»...

Львов крупно вздрогнул, но потом просто кивнул головой и передал казаку мешок. Анненков, в свою очередь, протянул ему трофейный пистолет на немецком же ремне.

– С кем имею честь? – запоздало спросил Львов.

Они взаимно представились, и от Анненкова-Рябинина не укрылась несколько излишне бурная реакция на его здешнюю фамилию. Было похоже, что штабс-капитан Львов лишь колоссальным усилием воли удержался от вопроса: «Тот самый?» Но форсировать события бывший полковник не собирался, а потому просто отдал честь и пошагал туда, где ждал его приказный¹⁰, оставленный с лошадьми...

Львов прошел в землянку, поставил на стол бутылку с засургученной головкой, налил половину стакана, предварительно извлеченного из подстаканника, и молча выщедил водку сквозь зубы. К нему сунулся было подпоручик Зорич – тот самый бывший прапорщик, который так интересовался Сталиным, но Глеб так посмотрел на него, что тот мгновенно испарился.

Штабс-капитан налил второй стакан, потом подумал и кликнул ординарца. Если отбросить всю ту шелуху, которую рассказывали об этом человеке, все глупости фильмов и анекдотов, то будущий герой гражданской войны был мужиком честным, не сукой и не дураком, а смелым и верным товарищем. Такого все же лучше иметь при себе: авось, когда здесь начнется свистопляска семнадцатого года, такой друг пригодится. Да и собеседником он оказался веселым и неглупым.

– Будешь? – спросил он унтера и, когда тот кивнул, прибавил: – Кружку давай.

Ординарец притащил не только кружку, но и фунт ржаного хлеба, кусок сала и миску, в которой лежали два толстых помятых малосольных огурца.

– Ваше здоровье, ваше благородие! – провозгласил он, поднимая свою медную посудину.

– Прекрати, – поморщился Львов. – Завтра, в строю, я тебе – благородие, а тут... – он махнул рукой. – За нас.

Стакан ударился о кружку, оба мужчины захрустели огурцами.

– За тех, кто не дожил, – произнёс штабс-капитан второй тост.

Ординарец перекрестился и выпил, проигнорировав закуску.

– Чегой-то стряслось у вас, Глеб Константинович, – не спросил, а констатировал ординарец, глядя на то, как ротный вытаскивает из чемодана вторую бутылку.

⁹ Вперед! В штыки! (Сербск.)

¹⁰ Воинское звание в казачьих войсках, соответствует званию «ефрейтор» в пехоте.

Тот молча кивнул и плеснул водки в стакан и кружку. Унтер подождал, понял, что никаких объяснений не последует, и принялся рассказывать какую-то веселую историю из жизни самарских обывателей. Львов слушал, даже смеялся в нужных местах, а потом вдруг...

Враги сожгли родную хату,
Сгубили всю его семью.
Куда теперь идти солдату,
Кому нести печаль свою?

Пошел солдат в широко поле
На перекресток трех дорог.
Нашел солдат в широком поле
Едва приметный бугорок...

– ...Ну, завтра германцу будет, – сказал бывалый солдат и сплюнул на пол землянки. – Довели супостаты нашего соколика, будет им уже...

– Чаво будет? – спросил молоденький первогодок из недавнего пополнения и поежился.

– Того и будет, – в разговор вступил третий, с лычками ефрейтора. – Завтра либо в штыки поползем, либо в ночь наш в гости к ерманцу отправится. Ты как, Семенов, пойдешь ерманца резать?

– Нам что? – рассудительно произнес здоровяк, тоже с погонами ефрейтора, и затянулся папиросой «Пушка». – Нам се равно: скажешь их бродь – пойдем резать. Нам шо ипонца, шо ерманца... А скажешь – не пойдем... – И добавил: – Дай песню дослушать, Силантий. Душевно выводит...

Хмелел солдат, слеза катилась,
Слеза несбывшихся надежд.
И на груди его светилась
Медаль за город Будапешт.

– И на груди его светилась медаль за город Будапешт! – в унисон рявкнули два голоса, и все стихло.

– Вот коли щас про сербов затянет – ночью резать пойдем, – сообщил опытный Силантий. – А ежели про артиллеристов – в штыки ударим.

Солдаты ждали долго, но в траншее было тихо.

– Дядька Силантий, – поинтересовался первогодок. – А ежели на приклад вообще ничего не запоем?

– Цыть, дура! – оборвал его ефрейтор. – Ну-кась, мужики, кажись, поет, нет?

Тамо далеко, где цвета лиман жмут
Тамо е сербской войсци едини био пут¹¹...

– Вот так вот, – вздохнул бывалый. – Сам пойдет, с собой всех не потащит. Добёр...

¹¹ Строки из песни «Тамо далеко» – народной сербской песни, посвященной битве на Косовом поле.

2

Июль 1915 года, Северо-Западный фронт: на подступах к Митаве идут упорные бои между наступающей германской Неманской армией и русской 5-й армией. Немцы пытались окружить русских, но конный корпус генерала Казакова сорвал эти попытки.

13 июля начались бои в Польше на подступах к Праснышу. Немцы силами до трех корпусов пытаются форсировать Нарев, русская армия Литвинова оказывает сопротивление, медленно отходя к Праснышу. Идет эвакуация Варшавы, русские выгадывают время...

«Паризьен», Военные новости. Париж, 17 июля 1915 г.

От штаба Верховного главнокомандующего

Между Двиной и Неманом в ночь на 17 июля и утром того же дня германцы вели безуспешные атаки на Вауск. Южнее, на фронте Константинов – Кринчи – Субоч – Трашкуны, мы потеснили их передовые части. К западу от Ковны вечером 16 июля дружным штыковым ударом мы выбили неприятеля с нескольких позиций, захваченных им поутру.

На Нареве 17 июля неприятель небольшими силами продолжал попытки переправиться на левый берег реки близ устья Шквы, а к востоку от Рожан вел атаки частного характера в районе сел. Жабин – Рембише. Мы сохранили прежний фронт.

На левом берегу Вислы 17 июля мы отразили атаку неприятеля к северо-западу от Влоне. Неприятельские войска, переправившиеся на фронте Магнушев – Козенице через Вислу, были нами в течение того же дня энергично атакованы. На участке ниже устья Радомирки неприятель выбит из лесов правого берега и отброшен на острова и отмели Вислы. Выше по Висле неприятель удерживается в районе посада Мацеевице.

Между Вислой и Бугом нашим войскам в ночь на 17 июля было указано перейти в подготовленные в тылу позиции. Противник не препятствовал занятию нами нового фронта, на коем 17 июля наши войска устраивались без боя. Город Люблин и участок железной дороги между станциями Новая Александрия и Реиовец нами оставлены.

На Буге наши войска продолжали выбивать неприятеля с некоторых участков его позиций к югу от гор. Сокаля. Неприятель, по свидетельству пленных, понес здесь в течение последних дней тяжелые потери.

На прочих фронтах без перемен.

Газета «Новое Время», Петербург, 19 июля 1915 г.

Шаляпин на экране

Приехавший вчера в Москву импресарио г. Резников сообщает, что Ф. И. Шаляпин согласился принять участие в съемке для экрана.

Выступит он в роли Иоанна Грозного в драме «Псковитянка».

Сценарий для постановки будет разработан самим Ф. И. Шаляпиным по историческим материалам.

В картине примут участие до 400 человек.

Съемки будут происходить в Москве и Пскове.

Режиссировать будет г. Иванов-Гай.

В настоящее время уже идут подготовительные работы к съемке.

Съемка с Ф. И. Шаляпиным начнется с 10 августа.

Импресарио г. Резников по окончании съемки картины будет показывать ее по всем крупным городам России, Англии и Америки.

Газета «Раннее Утро», 19 июля 1915 г.

Тремя неделями позже произошло событие, которое окончательно расставило все по своим местам. Господа офицеры 66-го Бутырского пехотного полка, отведенного с передовой на отдых в маленький местечковый Новый Двор, встретились с офицерами 4-го Сибирского казачьего полка, оказавшимися там же и по тому же поводу. И встреча эта оказалась, можно сказать, исторической.

В низком сыром зале «лучшего ресторана» городка, где, казалось, в стены навечно ввелись запахи плесени и бедности, разместилось практически все офицерство обоих полков. Встреча эта – не первая, поэтому уже никого не волнуют причины драки солдат пулеметной команды и казаков из второй сотни, никому не интересны подробности удивительного пари между подъесаулом Краповым и капитаном Ентальцевым, равно как и результаты этого дикого спора. Никто не собирается играть в «тигр идет», да и метать банк тоже как-то никому неохота. Тянется ленивая бесконечная беседа «ни о чем», ну да еще поругивают германцев, правда – с осторожностью. Ни у кого нет желания просто так злить капитана Вельцбаха и подпоручика Айзенштайна. В конце концов, они совершенно не виноваты в том, что их родственники сейчас воюют на противоположной стороне. Судьба...

– ...Самое главное сейчас – это сохранить рыцарское, честное отношение к противнику, – произнес прапорщик Соболевский из второго батальона. – Нельзя давать себе ожесточиться, потому что война закончится, а потом будет просто стыдно смотреть в глаза своим соседям.

От столика, стоявшего в дальнем углу, донеслось ироничное хмыканье. Все повернулись туда. Ну, разумеется! Господин штабс-капитан Львов, как обычно, имеет свое «особливое» мнение. То-то с ним за стол никто и не сел.

Штабс-капитан Львов в полку – белая ворона. Нет, никто не посмеет назвать его трусом – ордена не позволят! За два сбитых германских аэроплана его даже к «Георгию» представили, и можно не сомневаться – очень скоро грудь штабс-капитана украсит белый крестик. Вот только воюет он... Так не сражаются благородные люди, так дерутся одни дикари с Андаманских островов или еще там откуда. Видно, набрался штабс-капитан Львов от своих братушек-сербов во время войны на Балканах всякого, вот и пытается теперь здесь в ход пустить. Поэтому-то господа офицерское собрание Бутырского полка его – нет, не то что к себе не допускают, но держат от себя на расстоянии. Впрочем, он и сам ни с кем не сближается, так что все идет ровно, к обоюдному удовольствию обеих сторон.

Все это негромкими голосами поведали офицеры-пехотинцы офицерам-казакам, ожидая одобрения своего поведения. Казаки осмыслили услышанное, поспрашивали своих товарищей из пехоты о методах войны, внедряемых удивительным штабс-капитаном, и, к удивлению и огорчению бутырцев, признали действия Львова совершенно правильными и верными.

– Ваш штабс-капитан натурально – пластун, – попытожил рассуждения войсковой старшина Инютин¹². – Германцев в ежовых рукавицах держит, ну так на то и война. А дикарского

¹² Инютин Федор Потапович (1870–1937) – казачий офицер. Участник Первой мировой и гражданской войн. Несмотря на то, что был донским казаком, в описываемый период недолгое время находился в 4-м Сибирском казачьем полку. Умер

в том, чтобы ночью во вражий стан сходить, ничего нет. И зазорного ничего. Генералиссимус Суворов нижних чинов и офицеров тому же учил. Нет, господа, – усмехнулся казак. – Коли уж вам охота на истинного башибузука посмотреть, так вот он, – Инютин мотнул головой в сторону другого столика, где в компании бутылки очищенной и немудреной закуски покуривал папироску одинокий есаул. – Прошу вас: есаул Анненков собственно персоной.

– А позвольте узнать, чем же славен сей есаул, что вы его в башибузуки записываете? – слегка театрально поинтересовался командир первого батальона подполковник Борисов. – Очень даже приличный офицер, не лишенный приятности в лице и разумности во взгляде.

Есаул действительно выглядел так, словно вот-вот должен был отправляться на Высочайший смотр. Подтянутый, в сияющих сапогах и в мундире, что называется, с иголочки.

– Прямо картинка, а не есаул, – заметил кто-то из бутырцев.

– Что есть, то есть, – войсковой старшина дернул себя за ус. – И сам – словно на парад, и сотню свою так же содержит. Оторвись у кого пуговица, да заметь это Борис Владимирович – тут уж у казака только два пути и есть: один – в холодную под арест, да на хлеб и на воду суток на десять, второй... – Инютин, явно пародируя есаула Анненкова, придал голосу хрипотцы и гордо закинул назад голову: – А принеси-ка мне, молодец, винтовку немецкую. Или немца приведи, чтобы пуговку тебе на место пришил...

– И что?

– Обычно приносят... или приводят, – казак рассмеялся густым хорошим смехом. – Что-то я не припомню, чтобы он в последние месяца два кого-то под арест сдавал...

– Вот из-за таких героев, – тихо прошипел штабс-капитан Вильнек-Вильмовский, – нас потом всю ночь артиллерией и поджаривают.

Говорил он тихо, но из угла, где сидел «пластун», негромко, но четко донеслось:

– Лучше, конечно, день святого труса праздновать да на своих солдатах геройство показывать.

Вильнек-Вильмовский, известный в полку своей любовью к рукоприкладству, побагровел, но промолчал. Подполковник Борисов, как старший по званию, вместо ответа снова театрально развел руками: видите, мол, каков?

Казаки же не отреагировали никак. С одной стороны, «пластун» прав, с другой – стоит ли его правота ссоры с соседями? И потом, они сейчас такое могут рассказать...

– Это все незначительно, – веско сказал Инютин. – Подумаешь, воевать ночами или что-то там. А вот помните, господа, недели с три тому в вашей дивизии лазарет под артиллерийский налет попал? Так вот, той же ночью ушел наш Анненков на германскую сторону. Один. А под утро возвратился с таким трофеем!.. Мы, право, уж и не знали, что делать.

Войсковой старшина выдержал паузу, во время которой офицеры-пехотинцы чуть не лопнули от любопытства, и бухнул:

– Принес он отрезанную голову того самого пруссака, что этим гаубичным дивизионом командовал!

Бутырцы с минуту молчали, точно пораженные громом, а потом заговорили все разом:

– Как?! Как отрезанную?! Почему?! Для чего?! Да как же это?!

– Да, господа, – наслаждаясь произведенным эффектом, проговорил Инютин. – Именно отрезанную голову. И пояснил, что сделал это для того, чтобы прочим немцам в другой раз неповадно было по «Красному Кресту» палить.

На сей раз пауза затянулась намного дольше. Несколько офицеров шестьдесят шестого хватили едва не по стакану коньяку, несколько – по стакану водки...

– Вы, верно, не слышали, что командир германской дивизии, стоящей против нас, прислал на следующий день нашему командиру генералу Стремоухову письмо с извинениями за

сей прискорбный случай. Дескать, подобное иногда бывает: артиллеристы неверно поняли данные, принятые с аэростата наблюдения и... – подполковник Борисов пожал плечами и повторил: – Случайности неизбежны, особенно на войне, но вот это... Отрезать голову офицеру, это, знаете ли... Просто невероятно!

Вельцбах, Айзенштайн и еще несколько офицеров поднялись:

– Просим нас извинить, господа, но мы вынуждены откланяться. Пребывать в одном месте с этим палачом, этим дикарем для нас невозможно.

И тут снова подал голос штабс-капитан Львов:

– Сдаваться пошли или поминки по невинно убиенному пруссаку устраивать? – спросил он. – Ну-с, в добрый путь-с, не смеем задерживать-с...

Вельцбах резко обернулся:

– Я вызываю вас, штабс-капитан Львов, – крикнул он на весь зал. – В любом месте, любым оружием!

В зале стало тихо. Дуэли между офицерами были запрещены, но в мирное время этот запрет соблюдался не слишком строго. Однако с началом войны запрет превратился в настоящее табу, наказанием за нарушение которого было разжалование в рядовые...

– Принято, – произнес Львов, вставая. – Как вызванный, я выбираю оружие...

– Шашка, револьвер, дуэльные пистолеты – что вам будет угодно! – снова крикнул Вельцбах, а остальные офицеры молча закивали: дуэльный кодекс свят, и Львов в своем праве.

– Вот уж нет, – нехорошо оскалился Львов. – Дуэль будет на немецких ушах. Кто за два дня добудет меньше отрезанных ушей противника, тот на третий день пустит себе пулю в висок. Так мы и дуэль проведем, и врагу радостей прибавим.

И пехотинцы, и казаки пораженно молчали. Всякого можно было ожидать, но такого...

– Дельно, – неожиданно нарушил тишину спокойный голос есаула Анненкова. – Уважаю, штабс-капитан, идея великолепна... Хотя вы, безусловно, даете вашему противнику фору: ведь в случае чего он может прибавить и свою пару, – и есаул улыбнулся ТАКОЙ улыбкой, что у многих холодок пробежал по спине, а двое пьяных аж протрезвели...

– Это... это не дуэль, это – варварство! – срываясь на визг, закричал Вельцбах. – Так не дерутся!

– На войне дерутся именно так и только так, – отрезал Львов и пристально посмотрел на своего противника. – Ну?

– Позвольте, Глеб Константинович, но ведь это будет самоубийство, – откашлявшись, рассудительно произнес подполковник Борисов. – Грех все-таки... и, уж простите, туретчиной отдает...

– Немцев к нам не звали, – бросил из своего угла Анненков. – А коли уж пришли – так пусть на себя жалобы пишут. Да, господин подполковник, а газами наших солдат травить – не варварство? Травить хлором, вызывая мучительную смерть всех подряд, включая некомбатантов и медицинский персонал? Чем это достойнее и благороднее смерти в результате диверсионной вылазки? Кто-то, мнящий себя законодателем мод в военном деле, решил, что газы – это хорошо, а вот резать горло – плохо!¹³

– Европа – колыбель цивилизации... – неуверенно произнес кто-то из офицеров.

– Огорчу вас господа, – негромко, но ясно произнёс Львов. – Для Европы всё, что делает она – есть правильно, а всё другое – нет. В тысяча шестьсот сорок первом году в Ирландии проживало более полутора миллионов человек, а в пятьдесят втором осталось лишь семьсот тысяч. Таким образом, за одиннадцать лет ирландский народ потерял до половины своего населения.

¹³ Анненков знает, о чем говорит, так как первое применение отравляющих газов на Восточном фронте произошло еще 8.05.1915. Через десять дней произошло массовое применение хлора на фронте шириной 30 верст. Погибли 951 русский солдат и офицер, около 2000 попали в госпиталя.

Англичане травили опиум Китай, а во время англо-бурской войны массово брали в заложники членов семей буров и морили их голодом. Французы? То, что они творили, да и сейчас творят в Алжире, иначе как дикостью и беззаконием и назвать-то трудно. Людей без суда уничтожают тысячами и просто закапывают живьём в землю. Кого забыли? Германцев? Ну, если не считать их посещений России, начиная со времён Тевтонского ордена и заканчивая сегодняшним днём, то я бы вспомнил милые шалости кайзера в Германской Юго-Западной Африке, где было уничтожено около семидесяти тысяч человек. Они просто догоняли уже сдавшихся солдат африканского племени гереро и вырезали их, словно скот. Ну, а о художествах испанцев и англосаксов в Южной и Северной Америке, наверное, всем известно. Если нет, то лишь одна цифра: около пятидесяти миллионов индейцев были уничтожены на территории нынешних Североамериканских Соединенных Штатов. И сделали это всё те же цивилизованные европейцы. В основном, конечно, британцы, но руку приложили и все остальные. Да и о чем говорить, если даже короли Франции мылись два раза за всю жизнь: когда их обмывали при крещении и уже после смерти. Чума, холера, дизентерия и вши – вот они, достижения европейской цивилизации. Европа – колыбель палачества, садизма и человеконенавистничества, а не цивилизации!

Повисла тишина, которую нарушил Анненков:

– Кстати, самая большая коллекция отрезанных голов находится у британского офицера Робли.

Львов усмехнулся:

– Ну, вот. Кто-то обвинял господина есаула в варварстве, а он просто следует новейшим достижениям европейской цивилизации¹⁴.

– И, кстати, насчет самоубийства, – добавил из своего угла Анненков. – Проигравший может встать на бруствер и постоять там. Ну, а если уж совсем не вмоготу – можно и помочь. Лично я готов оказать ему такую услугу...

И, откинувшись на спинку стула, он засвистел мотив траурного марша Шопена.

В который раз Львов прокручивал в голове все детали встреч со странным есаулом, и голова, распухая от тяжких мыслей, уже начинала ощутимо побаливать. Вот вроде ничего такого тот и не сказал. Явных артефактов в речи не слышно. Но столько совпадений с крылатыми фразами покинутого времени... Или всё же нет? Ну, сказал про парабеллум. Так вон он, лежит на столе. Вычищенный, смазанный и готовый к бою. Или вот на фразу «махнём не глядя» даже бровью не дёрнул. Львов, поднаторевший в полевых допросах ещё в той жизни, это мог сказать весьма определённо. Но есть в Анненкове какая-то чужеродность, есть. И этот взгляд – смотрит на оружие, словно взрослый на детские игрушки. Или будто бы сравнивает залежалый товар с первосортным, оставшимся где-то в другом месте.

Львов снова закурил и сквозь дым увидел, как распахнулась дверь в комнату.

Анненков, причина его беспокойства, стоял на пороге и с лёгкой полуулыбкой смотрел на хозяина.

– Господин штабс-капитан, а не подскажете, где можно купить славянский шкаф?

Фразу эту Анненков выбрал специально. Она была в меру дурацкой, чтобы можно было всё списать на шутку или желание выбить собеседника из мыслительного ступора вот такой же идиотской репликой.

Львов, не торопясь, затушил недокуренную папиросу и вздохнул:

– Шкаф продан. Осталась никелированная кровать.

– С тумбочкой?

¹⁴ Откровенно говоря, Анненков-Рябинин покривил душой, упоминая английского офицера Робли и его жутковатую коллекцию. Это были т. н. мокомокаи – копченые татуированные головы вождей племен маори – аборигенов Новой Зеландии. Маори обменивали свои трофеи на ружья у англичан, так что сам Робли не отрезал ни одной головы. Львов-Маркин либо не знал об этом, либо просто подыграл есаулу.

– С тумбочкой¹⁵ ... – Львов, чувствуя, как напряжение последних дней отпускает, рассмеялся и кликнул вестового.

– Василий, принеси чего закусить и постой там, посмотри, чтобы нас не беспокоили! – затем молча разлил водку в две маленькие рюмки и пододвинул одну гостю. – Ну, за встречу?

– Не на Эльбе, конечно, но что-то эпическое в этом есть, – Анненков кивнул и, смахнув с головы фуражку, присел напротив.

– Ты откуда?

Несмотря на обтекаемый вопрос, Львов сразу понял, что казак имеет в виду.

– Из две тысячи шестнадцатого.

– И я, – есаул покачал головой. – Получается, нас ровно на сто лет откинуло. – Занятно. Ну и как тебе прошлое?

– На сто один, но жить можно... – Львов улыбнулся. – Только вот будущее не радует, ты уж извини. Революция, потом гражданская, потом вообще кавардак полный.

– И? – Львову на мгновение показалось, что его собеседник чуть напрягся. – Предлагаешь отменить революцию?

– Это невозможно... – штабс-капитан покачал головой. – Невозможно, да и не нужно. За триста лет своего царства Романовы столько дел наворотили, что теперь только в топку. Нет у них исторической перспективы. Большевики тоже не ангелы, но они хоть в перспективе правильные. Такую страну построили.

– И затем просрали.

– Просрали, – согласился Львов. – Только уже не большевики, а приспособленцы и воры, пролезшие во власть. Наша беда была, как ни странно, в том, что нахватали территорий с враждебным населением и после были вынуждены подкармливать его в ущерб самой России. Грузии всякие, Азербайджаны, Кыргызстаны и прочие...

– Согласен, – Анненков качнул головой. – Только вот что делать, ума не приложу. Ну, воюем мы с тобой. Справно воюем. Ну, сохраним пару сотен жизней, и всё? Для этого нас с тобой... сюда?

– Может, и для этого... – Львов задумчиво кивнул и, услышав шаги в сенях, поднял ладонь в предостерегающем жесте.

Ординарец быстро расставил на столе кусок сала, полкруга колбасы, небольшую мисочку с огурцами и побольше – с квашеной капустой. После чего вопросительно поднял взгляд на командира.

– Спасибо, Василий. Выставь там часового у крыльца. Пусть сюда никого не пускает и сам не лезет.

– Сделаем, вашблагородь, – кивнул тот и вымелся из дома.

Выпили, чинно закусили, и Анненков вопросительно посмотрел на собеседника, призывая продолжить разговор.

– А ты кем был-то? – Львов отработанным движением вновь разлил водку.

– До пенсии? – Анненков усмехнулся. – Сначала командовал ротой отморозков, потом исполнял всякие...

– И всяких... – рассмеялся Львов.

– Да, чаще именно всяких, – Анненков кивнул. – Ну а напоследок учил подрастающее поколение тонкостям профессии. А ты?

– Афган, Приднестровье, Югославия... – коротко перечислил Львов. – В двух последних – артиллерист, командир батареи. Знаю в основном ствольную и минометы, хотя и с реактивной дело имел.

– Занятно... – есаул покачал головой. – И что делать будем, друг-попаданец?

¹⁵ Диалог-пароль из известного советского фильма «Подвиг разведчика».

– Ну, в общем, вариантов у нас немного... – Львов нахмурился и вздохнул. – До революции уже сделать ничего нельзя. Ну, только что беречь солдатиков, сбивать в нормальное подразделение да быть готовыми ко всему. А там ловить шансы да чистить дорогу.

– А кого чистить будем? – Анненков ошутимо подобрался.

– Да вот хоть того же Троцкого, Зиновьева, Каменева... да мало ли их. Ягоду, если где увижу, так шлёпну без раздумий.

– И этого, как его... – Анненков запнулся.

– Ежова, что ли? – Львов усмехнулся. – Ну, тоже можно. Хотя он скорее не предатель, а просто дурак. Исполнительный, аккуратный, въедливый, безынициативный дурак.

– Слушай... – есаул на секунду задумался. – А вот ты по специальности кто?

– Военный? Я же сказал.

– Да нет, – казак нетерпеливо взмахнул рукой. – Это понятно, что ротой ты уж точно командовал. А по гражданке?

– Химик-технолог. Если точнее – химик-технолог производства лакокрасочных веществ.

– Это интересно! – Анненков оживился. – А взрывчатку нормальную ты сделать можешь?

– Это смотря, что ты считаешь нормальной взрывчаткой... – штабс-капитан задумался, а потом спросил: – А чем тебя тринитротолуол не устраивает?

– Так вроде в снарядах сейчас пироксилин? – удивился Анненков и разлил ещё по одной.

– В наших – да, во французских и английских – мелинит, а в немецких – уже тол. Так что берёшь снаряд, аккуратно снимаешь взрыватель – и на водяную баню. Кстати, в наших снарядах крупного калибра – вообще амматол... А зачем тебе это?

– Да хочу мин наделать. А то хожу в тыл, как дурак. Тут же минно-взрывного вообще кот наплакал. Даже взрывателей нормальных и то нет.

– Ну, положим, взрыватель нормальный при наличии мастерской я тебе сделаю. Тол добудем, убойные элементы – тоже не проблема. Так что тут препятствий не вижу. Вот разве что какие-нибудь хитрушки типа замедлителя или еще чего – это проблема. Не в том смысле, что проблема сделать, а вот рассчитать точное время... Экспериментировать, однако, придется...

– Ну, так не боги горшки обжигают, верно, пан инженер?

Львов вскинулся:

– Слушай, ты по званию меня, конечно, крепко старше, да и по подготовке мне против тебя светит либо палата интенсивной терапии, либо погост, но я тебя, не шутя, предупреждаю: не называй меня так!

Рябинин посмотрел на нового товарища и молча кивнул. И лишь когда была выпита еще одна рюмка, тихо спросил:

– Так сильно ляхи напакостили?

– Даже еще сильнее, – мрачно ответил штабс-капитан. – Я из-за них в реанимацию загремел, работы лишился да еще под суд влетел так, что еле-еле отмахался...

И он кратко рассказал немудрящую историю о том, как приехали гордые ясновельможные паны на его завод и принялись «внедрять передовую технологию». Будучи начальником цеха, предназначенного на «модернизацию и интенсификацию», Маркин отчаянно сопротивлялся, хорошо представляя, что может произойти при перегрузке старенького оборудования, но никто не захотел его слушать. Ну а потом случилось то, что и должно было случиться: грянул взрыв. Начался пожар, ядовитый дым заполнил цех, а рабочие по обычному русскому разгильдяйству не удосужились взять на рабочие места противогазы. Начальник цеха вместе с аварийной командой вытаскивал своих мужиков, спасая от отравы и пожара, и сам наглотался ядовитых испарений так, что полгода провел в больнице. А выйдя, оказался под следствием: поляки попытались переложить вину на него. Маркин остался на свободе только потому, что следовательно, сам недолюбивавший «ясновельможных», помогал, подсказывая инженеру, как и что лучше отвечать.

По окончании рассказа Анненков-Рябинин помолчал и спокойно пообещал больше никогда и ни при каких условиях не равнять товарища с поляками, чтоб им всем подохнуть, ну, кроме будущего маршала Рокоссовского и полярных летчиков Нагурского и Леваневского.

– Дзержинского с Менжинским позабыл и Марию Склодовскую-Кюри! – засмеялся Львов и вдруг посерьезнел: – А ты в курсе, что тебя в двадцать седьмом расстреляют?

– Да? А я полагал – раньше, – притворно удивился есаул. – Вот я и думаю: может, все-таки всех большевиков зачистим?

– А кроме них и ставить-то больше не на кого, – задумчиво произнес штабс-капитан. – И потом: мы сейчас с тобой знаем столько, что из тебя легко конкурент Буденному получится. – Тут он вдруг засмеялся, замахал руками: – Аннёнков, наш братишка – с нами весь народ! Приказ голов не вешать и идти вперед! – пропел он негромко.

Анненков тоже засмеялся.

– Как у тебя все легко выходит. А через кого к большевикам подойдешь?

Львов хмыкнул:

– Ну-у, найдутся добрые люди... А вот, кстати, – он встал и позвал в полный голос: – Василий! Унтер-офицер!

Через минуту в горницу вошел ординарец:

– Я, вашбродь!

– Прекращай! Это, – он показал на есаула, – свой человек. И запомни, братишка, – тут он хлопнул унтер-офицера по плечу. – Если со мной вдруг чего случится, этот есаул тебе – отец, мать и Господь Бог. Слушайся его, как пророка, тогда генералом помрешь. Уяснил?

Ординарец посмотрел на Анненкова, задумался, а потом вдруг неожиданно спросил:

– А что, твое благородие господин казак: за германцем, окромя того раза, – он мотнул головой, напоминая о судьбе майора Боймера, – часто ли ходили? А то мы с Глебом Константинычем, почитай, через два дни на третий ерманца резать ходим...

Он замолчал, но в его молчании подразумевалось: «Если ты меньше нашего немцев убил – неместно тебе мною командовать...»

– Хорош, – лениво бросил Анненков-Рябинин. – Где ж ты такого откопал, *товарищ* штабс-капитан?

– Места знать надо, – засмеялся Львов-Маркин. И, уже обращаясь к ординарцу, добавил: – Кружку тащи.

– Однако, нравы у тебя, – цокнул языком Анненков. – С нижними чинами водку пьешь, поди и кашу из одного котелка хлебаешь?

– А что, нельзя? Сам так не привык? Или, не дай бог, отвык?..

Вместо ответа есаул хмыкнул и покрутил пальцем у виска.

– Ну вот. А с таким человеком тебе водку точно пить не приходилось...

– С чего ты взял? Ты что думаешь, мы там совсем серые были? Инженеров только на картинках видели? Да я, если хочешь знать, с доктором наук однажды пил. С химиком, между прочим...

Теперь Львов уже не смеялся, а просто-таки ржал:

– Ты что, думаешь, я про себя сказал? Ха! – он чуть придвинулся и заговорщицки прошептал: – Я про унтер-офицера. Ты, между прочим, его давно знаешь...

– Я?! Да я его впервые вижу!

– Не-а! Ты его на фотографиях много раз видел. И в кино...

– Погоди-погоди, это что, Жуков, что ли?

Штабс-капитан опять заржал:

– Историю ты проходил... и прошел... мимо. Жуков – драгун. На всякий случай: Рокоссовский – тоже. А Василевский сейчас – поручик...

Анненков-Рябинин надолго задумался. Вернулся ординарец с кружкой, и Львов разлил водку уже в три емкости:

– Ну, за знакомство? Прошу любить и жаловать: Борис Владимирович, Василий Иванович...

Есаул подавился водкой:

– ЧАПАЕВ?

Унтер-офицер Чапаев удивленно вытупился на казака:

– Вашбродь, а вы меня откуда знаете?..

Несколько дней подряд новые товарищи провели вместе, обсуждая планы на будущее. То, что касалось непосредственно боевой деятельности, по обоюдному согласию взял на себя Анненков-Рябинин. Его опыт и знания в тайной войне превосходили все, что знал Львов-Маркин, в разы, а все, чем могли похвастать бойцы начала двадцатого века – на порядки.

Анненков принялся основательно гонять и казаков, и пехотинцев, лично преподавая рукопашный и ножевой бой, маскировку и скрытное перемещение, первую помощь, целевую стрельбу из всего, что стреляет. В конце обучения есаул собирался устроить совместные учения своей сотни и роты Львова, с тем, чтобы добиться максимальной слаженности взаимодействия. Кстати пришлось и два десятка ветеранов, воевавших в японскую войну и участвовавших во многих сотнях пограничных стычек на дальневосточных рубежах. Настоящие потомственные пластуны, они сначала некоторое время проверяли есаула на прочность в учебных схватках, и только лично убедившись в высоком боевом мастерстве командира, начали участвовать в обучении других казаков. Там было и скрытное перемещение, и снятие часовых, ножевой бой и многие другие премудрости, которыми, конечно, владели пластуны, но было их в казачьей среде довольно мало. Каждый двадцатый, а может, и меньше, а бывший полковник Советской Армии очень хорошо знал цену обучению личного состава. Ему нужен был настоящий инструмент для войны, а не толпа лихих парней, которые сгорят за одну атаку.

Во время первого же дня занятий произошел случай, который напомнил Анненкову-Рябинину, что заниматься необходимо не только физической подготовкой, но и душевным здоровьем нарождающихся штурмовых войск специального назначения.

После того, как неумный есаул скомандовал: «Вольно! Разойдись! Можно курить и опраться!», казаки и пехотинцы мгновенно разделились на две группы. В принципе, это было естественно: своих уже знают, а к вновь прибывшим надо приглядеться, да и не на тренировке, а в реальном деле. Казаки уселись в кружок, вытащили кисеты и принялись сворачивать самокрутки и набивать трубочки, искоса поглядывая на запаленно дышащую «махру», занявшуюся тем же. Впрочем, ради справедливости, надо отметить, что казаки выглядели не лучше и дышали ничуть не тише «серых шинелей»: есаул гонял и тех, и других совершенно одинаково, а пехотинцы из роты Львова не были ни новичками, ни неумехами...

– Закоптила, закоптила «махра», – высказался кто-то в кругу казаков.

Вроде и негромко совсем сказал, но пехотинцы услышали.

– А что, господа казаки, – произнес один из унтеров, внимательно оглядывая сибиряков. – Я гляжу, не сподобились вы трофейным табачком разжиться? Германцы не дали? Мож, отсыпать?

И с этими словами он протянул казакам пачку трофейных сигарет с яркой надписью RAMZES.

– Не нуждаемся, – бросил в ответ старший урядник¹⁶ Мержан. – У их вкусу нет. То ли дело – свой. Ить домом пахнет... Да и то: кому по бедности по траншеям ерманским побираться, а кому – глотки ерманцам резать.

В кружке казаков послышались одобрителные замечания и тихие смешки.

– Ну, господа казаки, вы, видать, многим глотки резанули, коли знаете-полагаете, как мы у емана куревом побিরались, – спокойно ответил унтер. – Оно ж, известно дело, завсегда так: казаки резать, а нас в ихних окопах водкой да куревом привечают.

– Боже ж мой, – вступил в разговор другой унтер с ярко выраженной семитской внешностью. – И мне таки сдается, что господа казаки таки о германских солдатах и германских окопах знают только по чьим-то рассказам. Я бы даже сказал, что это были не рассказы, а самые настоящие сказки...

Теперь засмеялись в компании пехотинцев.

– А ты бы помолчал, жид, – зло процедил кто-то из казаков. – Целее будешь...

– Да уж, какой из жида солдат, всем доподлинно известно, – хмыкнул Мержан. – Не тебе нас учить, немаканный...

– Ой-вей, я уже испугался и уже боюсь, – унтер-еврей поднялся, оказавшись здоровенным детиной с внушительными заросшими рыжим волосом кулачищами. – Какие из казаков солдаты, я таки не знаю. И никто не знает. Но у мне интерес вот за что: почему в солдаты берут даже боязливых, совершенно мирных евреев, – при этих словах кто-то из пехотинцев негромко хохотнул, – а вот казаков – нет? Ви же, господа, не солдаты¹⁷, я правильно помню?

– Воны на отдых суды приехали, – прогудел крепыш с лычками ефрейтора. – Только на конях ездют да пашечками помахивают.

– Да шоб тоби, бисова сына, так черти отдыхать у пекле заставили! – вскочил на ноги приказный Катасонов. – Шоб батьку твоему на том свете так отдыхалось!..

– Вы, пехтура, охолоньте, – рассудительно посоветовал старший урядник Кудинов. – А то, не ровен час...

И он выразительно качнул кулаком. Вот это он сделал напрасно...

Унтер-офицер Доинзон шагнул вперед:

– Я таки интересуюсь, и что будет, если час вдруг окажется не ровным? – спросил он, тоже сжимая кулаки. – Нет, мне просто интересно...

– Обдрищутся господа казаки, – спокойно заметил здоровяк ефрейтор, становясь рядом со своим товарищем. – А господин есаул нас потом их дерьмо убирать заставит...

– Да ты у меня щас кровью умоешься, рожа свиная! – взревел Мержан и мгновенно сбил ефрейтора с ног ловкой подсечкой из арсенала полковника Рябинина.

Но, к изумлению всех казаков, упавший тут же захватил своими ногами ноги урядника и резко повернулся, сбивая противника на землю. В прошлой будущей жизни Маркин долго занимался самбо и многое успел передать своим подчиненным...

Еще через секунду между казаками и пехотинцами разгорелся самый настоящий бой – стенка на стенку. Пока еще ни та, ни другая сторона не пытались схватиться за шашки, кинжалы, тесаки и нагайки, но было ясно, что долго ждать не придется...

– Смирно! – негромкая команда прозвучала, как выстрел.

И она подействовала. Бойцы прекратили драку и выстроились друг напротив друга. Есаул прошелся между двух неровных шеренг, которые злобно зыркали на противников.

¹⁶ Воинское звание в казачьих войсках. Соответствует званию «старший унтер-офицер» в пехоте или «старший сержант» в Советской Армии.

¹⁷ Унтер-офицер Доинзон помнит совершенно верно: казаки являлись отдельным родом войск, и служившие в них нижние чины так и назывались «казаки».

– Если кому-то мало нагрузок, скажите мне, а не кидайтесь друг на дружку, ровно коты драные, – спокойно проговорил Анненков. – Ну-с, и с чего вам приспичило не фрицев, а своих товарищей колотить?

– Так что, вашбродь господин есаул, – Кудинов исподлобья посмотрел на пехотинцев. – Не дело это, коли всяка пехтура казаков собачить будет.

– Да? А скажи-ка мне, Кудинов: сколько у тебя «Георгиев»?

– Один, господин есаул. Нешто забыли? Вы ж меня к нему и представляли.

– Один... А вот у Доинзона – два, и медаль еще. И ты, значит, его не собачил, а только он тебя, – Анненков-Рябинин в деланом изумлении поднял брови. – Вот, смотри-ка, что морда жидовская себе позволяет: мало того, что обогнал казака по «Георгиям», так еще и собачит бедного, беззащитного, немого Кудинова. Я так это понимать должен? Ну, кому стоим, чему молчим?! В самом деле онемел?

Пока казаки, понутившись, молчали, есаул повернулся к пехотинцам:

– А вы, судари мои, что тут устроили? Ах, трофейными сигарками попрекнули, от чего, мол, не разжились? А вот скажи мне, ефрейтор Семенов, ты до какой линии вражеских траншей доходил? До второй? А казаки в рейд на сорок верст иной раз уходят. Тебе немецкий блиндаж почистить – пара пустяков, так тут до родной землянки два шага шагнуть, и ты дома. А казаку – в прорыв войди, да там пошали, да из прорыва выйди. Им не до сигарок и прочего баловства.

Теперь и пехотинцы опустили головы. Дело представало совсем в другом свете...

– И вот что я вам скажу, голуби: с сегодняшнего дня нет тут ни казаков, ни пехотинцев! Есть штурмовики. И будете вы костяком первой в мире штурмовой бригады специального назначения. И драться вам предстоит бок о бок, плечом к плечу. А сейчас... – Анненков выдержал театральную паузу: – Разойдись!

Но не успели еще пехотинцы и казаки сделать и двух шагов, как ударило:

– В одну шеренгу... становись! На номера рассчитайсь!..

После этого между казаками и пехотой установился если и не добрый мир, то, как минимум – доброе перемирие. Однако Анненков дал себе зарок: в самое ближайшее время вплотную заняться моральным климатом. Да и политической подготовкой тоже бы не помешало.

Но было и то, что казаки и пехотинцы не знали совсем, но что срочно требовалось в той войне, к которой Анненков готовил штурмовиков. Язык жестов, работа с картой, наблюдение за объектом и вообще быстрое ориентирование в ситуации и принятие решений, для чего часто устраивались командно-штабные учения с младшими командирами, где есаул подбрасывал каверзные вводные.

Новые револьверы с глушителями оценили все, прозвав их ласково «Анечками», и получили их сначала пластуны, а позже и те, кого командиры сочли достойными, превратив таким образом вполне утилитарную вещь в знак отличия.

Потом Анненков выпросил на время пулемётчика-мастера, и тот взялся за подготовку ротных пулемётчиков. Несмотря на то, что самих пулемётов ещё не было, кадры нужно было начинать готовить загодя.

Самым сложным оказалось обучение бою в помещении. Казаки вместо вдумчивой спокойной и постепенной зачистки всё рвались с шашкой наголо, и есаулу стоило немалых трудов обуздать эту дурную привычку. Тут пехотинцы, наострившиеся под руководством Львова захватывать вражеские блиндажи, давали сибирякам сто очков вперед. Зато у казаков на ура шла другая дисциплина: скоростная стрельба и стрельба в движении, и равных им тут не было. Для учёбы использовали германские винтовки и пистолеты, так как к ним было огромное количество патронов, и через некоторое время вся рота перешла на маузеры-96 и 98, вызывая как зависть солдат других подразделений, так и недоумение и вопросы офицеров.

А ещё он научил троих солдат и пару казаков выплавлять тол из снарядов, и теперь у него «в заглазнике» уже собралось больше ста килограммов этого ценнейшего военного сырья, постепенно превращавшегося в мины.

Рябинин ещё сделал бы из маузера-96 пистолет-пулемёт, но приличных станков для этого не имелось ни в полковой, ни в дивизионной мастерской, и эту идею пришлось пока задвинуть подальше.

Как есаул и собирался, он провёл совместные учения своей сотни и роты Львова, потратив изрядное количество времени на согласование планов с армейским руководством, но в итоге остался страшно недовольным результатом.

Львов, наблюдая терзания друга, лишь усмехнулся, а позже, когда они обмывали первые учения, произнёс:

– Что, полковник, не приходилось тебе такой толпой командовать? Это тебе не спецназ СССР.

– Да не то слово, – Анненков скривился.

– Но вот ты взгляни на это дело с другой стороны. Посмотри на уровень наших солдат и сравни... да хоть бы и с егерями. Кто кого заборет?

– Ну, при равной численности, так на так и выйдет, – подумав, сообщил Анненков. – Не будет у егерей лёгкой прогулки.

– Вот. А работаем мы с людьми всего ничего. Так что это только первый шаг, и шаг в правильном направлении, как ещё непременно скажет друг всех пионеров.

Дальнее планирование Анненков-Рябинин переложил на плечи товарища.

– Ты ж все равно историю знаешь, а я только дату революции и помню, – заявил он Львову. – Так что тебе и карты в руки.

– Да что я там знаю? – вяло огрызался тот. – Что я тебе – профессор, что ли?

– Ну, если тебе дальнего планирования мало, займись техническим оснащением, – припечатал есаул. – Нам вон до хрена всего понадобится, вот и займись...

И Львов-Маркин занялся в меру своих скромных сил и способностей. Во-первых, он раздобыл где-то пару сигнальных пистолетов чоберт¹⁸ калибром почти сорок миллиметров, приделал к ним складные плечевые упоры и после долгих и отчаянных трудов переделал полтора десятка осветительных ракет в гранаты с двухсекундным взрывателем. Во-вторых, на трофейные деньги купил пять охотничьих двустволок и превратил их в натуральные сицилийские лупары. А в-третьих, свел короткое знакомство с саперами, у которых выменял на три парабеллума и один карманный маузер ящик пироксилиновых шашек. Правда, после этой торговой операции он имел долгую и неприятную беседу с двумя офицерами из контрразведки, но сумел выкрутиться. Как это ему удалось, штабс-капитан не объяснял, ограничиваясь лаконичным: «Язык до Киева доведет», но Анненков заметил, что товарищу явно неприятно об этом говорить.

Вершиной же его творения стала бутылка с зажигательной смесью, сочетавшей в себе лучшие черты жидкости «КС» и напалма. Анненков лично опробовал эту новинку на старом, полуразвалившемся сарае и остался доволен: сарай сгорел, несмотря на все попытки его потушить.

За эти несколько дней Рябинин и Маркин почти сдружились. Единственной «черной кошкой» в их отношениях оказалась попытка есаула переманить к себе Чапаева, на что штабс-капитан не на шутку обиделся. Впрочем, ненадолго: уже к вечеру инцидент был исчерпан, и оба пили мировую, причем вместе с причиной короткого разлада.

¹⁸ Французский сигнальный пистолет Chouberette состоял на вооружении Германской кайзеровской армии.

Шестнадцатого августа Львов получил заветный белый крестик, а заодно вместе с поздравлениями от генерала Стремоухова еще и предложение принять охотничью команду¹⁹ семнадцатой дивизии.

– ...Вы, Глеб Константинович, поймите: ваши набег на германские траншеи получили изрядную известность, – генерал-майор Стремоухов изобразил отеческую улыбку. – И вот кого же мне теперь, после выбытия капитана Елисеева, ставить на команду охотников, как не вас? Да меня просто не поймут, если я не поставлю нашего свежеиспеченного кавалера, дорогой мой. Еще и шептаться станут, будто я, мол, не даю хода молодым, подающим надежды...

Львов по привычке из другой жизни задумчиво почесал нос, поправил несуществующие очки, которые Маркину прописали последние пять лет, и отпрапортовал:

– Слушаюсь, ваше превосходительство! Прошу вас об одном: в моей роте есть солдаты и унтер-офицеры, которые неоднократно ходили со мной в поиски... то есть я хотел сказать – в ночные набег на германцев. Разрешите мне взять их с собой.

– Да ради бога! – Стремоухов всплеснул руками. – Берите, кого только вашей душеньке угодно будет, Глеб Константинович! У охотников, доложу я вам, такая убыль рядового состава, что хоть всю роту приберите, все равно – еще и списочного числа не достанет!

«Ого! – поразился про себя Львов. – Что же такого натворил бедолага покойный Елисеев, что охотничью команду выбило едва не на девять десятых?!» Но вслух ничего такого не сказал, а только поблагодарил и попросил разрешения немедленно отбыть в полк, собирать, так сказать, вещи. Однако же бумагу с разрешением забрать из роты своих людей взять не забыл...

Капитан Елисеев не был ни дураком, ни трусом, да и офицер из него получился не из самых плохих. Просто ему не везло.

Совсем молодым подпоручиком он участвовал в обороне Порт-Артура. Воевал неплохо и честно заслужил «клякву»²⁰ и «Владимира» с мечами, а также досрочное производство в чин поручика. Казалось, что перед молодым офицером открывается блестящая карьера, но... Он дважды проваливал экзамены в Академию Генерального штаба, трижды переводился из полка в полк, несколько раз пролетал мимо чина штабс-капитана, хотя уже давно выслужил ценз. И все вроде как обычно: ни в чем особо не провинился, просто всегда находился кто-то, кому либо родня ворожила, либо командир дивизии особенно жаловал, либо просто был лучше него.

Правда, Елисеев держался. Не спился, не оскотинился, не вымещал зла на нижних чинах и не плюнул на службу, а безропотно тянул свою лямку. Но мечтал, мечтал...

Мечтал штабс-капитан о том, как он добьется многого и все-таки умрет генералом. Так и представлял себе, словно гоголевский Бальзаминов, как выедет он перед строем дивизии, обязательно – на белом коне, как привстанет в стременах, как отдаст команду и под гром полковых оркестров пройдут перед ним его чудо-богатыри, сверкая штыками и сотрясая небо громовым «ура!». Так что когда началась война, штабс-капитан Елисеев, ставший к тому времени командиром охотничьей команды, воспрянул духом и приготовился к быстрому восхождению по карьерной лестнице к кавалерству славному и чинам заоблачным...

И снова судьба ехидно повернулась к нему не улыбающимся лицом, а той частью, о которой не принято говорить в приличном обществе. В самом начале кампании четырнадцатого

¹⁹ Так в Русской Императорской армии называли подразделения разведчиков, находившиеся в ведении командиров пехотных дивизий. В мирное время численность охотников дивизии примерно равнялась численности кавалерийского эскадрона (125–135 человек), но в военное время охотничьи команды разворачивались до численности двух усиленных эскадронов (300–325 человек). На вооружении охотников находились специальные средства (дымовые шашки, удвоенное количество ручных гранат, кавалерийские шашки, кинжалы – прямые и бебуты, револьверы наган, иногда – пулеметы или ружья-пулеметы), которых не было в линейных частях.

²⁰ Жаргонное название 4-й степени ордена Святой Анны. Носился не на груди, а в качестве темляка при холодном оружии.

года команда охотников использовалась в качестве подвижного резерва дивизии, вот только как-то ни разу этот резерв не понадобился. Так что офицеры линейных батальонов получали чины и награды, а командир охотничьей команды снова остался ни при чем.

А потом наступило затишье, и охотники снова оказались без дела. Основные события происходили далеко на Западном фронте, а здесь стояли, не сменяясь, незначительное количество строевых частей и ландвер. Однажды добытые разведданные не менялись от раза к разу, и командир дивизии просто запретил использовать охотников, довольствуясь теми сведениями, что поступали из рот с передовой. К тому же в полках находились отчаянные забубенные головушки, которые сами на своих участках ходили к германцам, брали трофеи и пленных, и разведотделу штаба дивизии этого хватало вполне.

Даже присвоение очередного звания «капитан» за дело у Лодзи не могло удовлетворить Елисеева, страстно мечтавшего о служебном взлете. И он решился попытаться переломить злую судьбу.

В начале августа, выбрав одну из безлунных ночей, новоиспеченный капитан повел свою команду на захват штаба девятой дивизии ландвера. В случае удачи он мог смело рассчитывать на продвижение по службе и даже на «Георгия». И у него почти получилось. Охотники сумели тихо подобраться к самому штабу, бесшумно сняли часовых. Бой с охраной штаба уже подходил к своему логическому концу, когда на выручку своему командиру примчался входивший в состав дивизии кавалерийский полк. И все кончилось очень плохо.

Елисеев до последнего прикрывал отход своих охотников. Он лично застрелил обер-лейтенанта и пятерых драгун, но дальше наган дал осечку, и тяжелая кавалерийская сабля поставила крест на всех его мечтах и надеждах...

В штабе семнадцатой дивизии решили не афишировать подробности гибели охотничьей команды, чтобы не подрывать боевой дух офицеров и нижних чинов. Поэтому-то Львов ничего и не знал ни об охотниках, ни об их командире. Однако он все-таки чувствовал, что что-то тут не то, и потому возвратился мрачный, как туча...

– ...Ну так я не понял, чего ты переживаешь? – поинтересовался Анненков, выслушав товарища. – Попадаешь в дивразведку, так тебе ж лучше! И людей натаскаешь, и мы с тобой чаще видаться на передовой будем. А уж трофеев теперь будет – хоть этим самым местом жуй!

– Так-то оно так, – покачал головой Львов. – Да только ты меня с собой не путай. Это тебе привычно: «Батальонная разведка, мы без дел скучаем редко...», а я? Я и был-то обычным строевым командиром, никаких спецназовских дел ни черта не умею. Комроты – это я умею, ну комбатом еще могу... А охотничья команда, между прочим, фактически – разведбат. Разве что численность малька поменьше. И что мне с ними делать прикажешь?

– Ну, ты прямо интеллигент, – засмеялся есаул. – Рефлексируешь не по-детски, как будто Солженицына перечитал. Ты вон еще руки позаламывай или «Голос Америки» послушай...

– А я еще Галича могу спеть, – хмыкнул Львов. – Я до армейки вообще – диссидентом был. Только малолетним и дурным.

– Ой, удивил! У нас замполит Галичем увлекался. Знаешь, как они с особистом дуэтом пели? У самого Александра Аркадьевича с таким надрывом не получалось...

Когда приятели отсмеялись, штабс-капитан все же вернул разговор на грешную землю:

– Видишь, какая штука: тут немцы должны наступление начать. Между прочим, как раз на нашем участке. Прорвут фронт, возьмут Вильно, и откатимся мы все хорошенечко так на восток...

– А поточнее? В смысле: по датам?

– Блин, есаул, я тебе что – Советская Военная Энциклопедия? Вроде в конце августа – начале сентября... Там еще конная группа генерала Гарнье – четыре кавдивизии – по нашим тылам прошерудит...

– А-а-а, ну тогда у нас с тобой еще две недели минимум, – Анненков благодушно откинулся на спинку облезлого, промятого кресла, которое где-то отыскивали пехотинцы и притащили своему комроты. – Гарнье, Гарнье... Летчик, что ли?

– Скорее, авиаконструктор, – засмеялся Львов²¹.

– А и черт с ним. Чего сидишь, как не хозяин? Клади орден в котелок – обмывать будем...

²¹ Львов намекает на созвучие фамилий генерала Гарнье и немецкого авиаконструктора, основателя авиастроительной фирмы Дорнье.

3

ПРИКАЗ

АРМИИ И ФЛОТУ

23 августа 1915 г.²²

Сего числа Я принял на Себя предводительствование всеми сухопутными и морскими вооруженными силами, находящимися на театре военных действий.

С твердою верою в милость Божию и с непоколебимой уверенностью в конечной победе будем исполнять наш святой долг защиты Родины до конца и не посраим Земли Русской.

На подлинном Собственною Его Императорского Величества рукою написано: «НИКОЛАЙ».

Ставка

Новый цеппелин-невидимка

«Сен-Голлер Тагеблат» описывает первый пробный полет нового германского цеппелина, самого усовершенствованного типа и имеющего свойство быть почти невидимым с земли.

Аппарат сначала летал над Констанцским озером с большой скоростью и подвижностью, потом направился внутрь страны и вернулся к своему ангару при наступлении вечера.

Этот дирижабль длиннее и изящнее всех прежних, сооруженных до войны. Боковые рули гораздо крупнее прежних и позволяют более быстрые виражи.

Новый дирижабль имеет форму рыбы; его металлический остов не просвечивает сквозь покрывку.

Этот последний – серебристо-серого цвета, но без отблеска на солнце. В туманную погоду гигантский цеппелин совершенно сливается с окружающим пространством, и при незначительной высоте его уже совсем не видно.

«Петербургский листок», 3 сентября 1915 г.

²² 8 сентября по ст. стилю.

Возвращение экспедиции Вилькицкого

Архангельск, 3 сентября. Полярная экспедиция флигель-адъютанта Вилькицкого прибыла в 11 ч. 40 мин. утра в составе судов «Таймыр», «Вайгач» и «Эклипс» и была торжественно встречена главноначальствующим, губернатором, городскими представителями и горожанами. Все здоровы. *«Ведомости», 4 сентября 1915 г.*

На следующий день оба товарища с больными головами лежали в грязной канаве, пережидая артналет. Ночью десятая немецкая армия ударила на Свенцяны и прорвала фронт. Утром восьмая немецкая армия также перешла в наступление, и на Новый Двор, свято полагавший себя тыловым городом, обрушился артиллерийский огонь.

– Вот же я дурак! – после близкого взрыва Львов сплюнул забившую рот глину. – Надо же так проколоться!

– Э-э, чего за самокритика? – Анненков протер запорошенные глаза. – Ну, забыл точные числа, с кем не бывает?

– Да едрит Мадрид, если бы я числа забыл! Я ж, олух царя небесного, забыл, что сейчас у нас – старый стиль! То бишь юлианский календарь!

Есаул секунду осмысливал услышанное, а потом дико заржал:

– Так я тогда – еще дурнее! Когда ты числа называл, мне бы, идиоту, спросить: а по какому стилю? Я ж все-таки не совсем сапог, хоть что-то да знаю...

Стапятимиллиметровый гаубичный снаряд, разорвавшийся в опасной близости от гостеприимной канавы, заставил обоих прервать самобичевание. Когда закончился звон в ушах, Анненков-Рябинин вытащил из-за голенища сапога сложенную трехверстную карту:

– Смотри, вот твоя охотничья команда. Как закончится артподготовка, включаешь сверхзвук и мчишься к ним. Приказ о назначении у тебя с собой?

– Так точно, господин есаул, – кривая усмешка. – И как будем связь держать?

– А что проще? Я тебе трех казачков пришлю, а ты мне – троих своих дашь.

– На делегатах связи можем погореть. Захватят, допросят как следует, и пиши пропало...

– А мы бумажную волокиту разводить не будем. Что надо – на словах передадим... – есаул хмыкнул. – Тут еще до методов экстренного потрошения не додумались, так что ничего сразу узнать не выйдет. А то и вообще не выйдет: тут вон за обстрелы извиняются, а ты – «допросят, как следует»...

Штабс-капитан подумал и молча кивнул.

– Ага, стрельба стихает... – Анненков резко взмахнул рукой: – Пошел!

Львов выскочил из канавы и помчался, петляя обезумевшим зайцем. Анненков посмотрел ему вслед, потом прикинул что-то, взглянул на часы и рванул в другую сторону – туда, где оставил своего коня...

К полудню Львов добрался в расположение, приведя с собой почти всю свою роту. Когда он сообщил о своем новом назначении и предложил добровольцам, желающим перейти в охотники, выйти из строя, вся рота во главе с двумя подпоручиками дружно шагнула вперед. Оставив подпоручика Полубоярова со взводом собирать оставшееся ротное имущество, штабс-капитан поспешил взять под свою руку охотничью команду.

Из прежних охотников в строю осталось лишь восемнадцать человек. Ни одного не то что обер-офицера – унтер-офицеров не осталось! Львов оглядел коротенькую шеренгу своих новых подчиненных, посмотрел на их мрачные лица, мятое обмундирование и висящие ремни, и ему очень захотелось сплунуть. Еле удержался...

– Подпоручик! – позвал он Зорича.
Тот подбежал, придерживая пашку.

– Возьми унтера Петрова, ефрейтора Семенова и приведи этих орангутангов в человеческий вид!

Зорич с сомнением оглядел охотников и тихо спросил:

– Господин штабс-капитан, больно уж Петров с Семеновым того-с... руками убеждать любят.

– Вот пусть и убеждают – на доступном для этих зверьков уровне. Командуйте, подпоручик, а я в оружейку пройду, посмотрю, что нам за наследство досталось?..

К радости Львова, в числе снаряжения охотничьей команды обнаружился ручной пулемет «мадсен» с тремя запасными магазинами на двадцать и тридцать три патрона. Штабс-капитан тут же наложил на такую полезную вещь свою тяжелую лапу: он не без оснований полагал, что на данный момент является самым лучшим пулеметчиком Русской императорской армии. Разве что есаулу Анненкову уступает, хотя это еще стоит проверить...

Штабс-капитан едва-едва успел принять командование, когда прямо в расположение его подразделения вылетел эскадрон прусских улан. Опустив пики, немцы рванулись в атаку...

– Рассыпся! Огонь – по готовности! – рявкнул Львов и метнулся в сторону.

Он бежал к старой полуразвалившейся мельнице, стоявшей возле некогда большого и глубокого, а ныне заболоченного пруда. За ним гигантскими прыжками мчался Чапаев, тащивший на себе целый ящик патронов, два запасных магазина и приспособление для их набивки. А со стороны охотников уже хлопнул первый выстрел, потом второй, а потом поднялась частая винтовочная пальба.

На бегу штабс-капитан оглянулся и удовлетворенно вздохнул: уроки Рябинина не пропали втуне. Его солдаты рассыпались, используя каждый бугорок, каждую ложбинку для укрытия, и яростно огрызались, не допуская улан до ближнего боя.

Потеряв до трети всадников, эскадрон заколебался, спешил и вступил с русскими в яростную перестрелку. Но Львов не сомневался в исходе боя: его бойцы стреляют всяко разное не хуже улан, а числом превосходят чуть ли не вдвое. Так что пулемет пока и не нужен. Но занести и установить его на укрытой позиции необходимо: мало ли, как дело повернется? Бой – дело такое, случиться может всякое...

– Накаркал! – зло прошипел штабс-капитан и выматерился так густо и хитро, что Чапаев чуть не выронил снаряженный магазин, дав себе обещание запомнить этот красивый пассаж.

На помощь эскадрону подходил остальной полк. Из развалин мельницы было хорошо видно, как разворачиваются эскадроны, как спешиваются кавалеристы в фельдграу, как коноводы гонят в сторону лошадей и как солдаты примыкают к карабинам штыки.

– Вашбродь, да чего ж ты ждешь? – прошептал ординарец, от волнения забывая субординацию. – Давай, Глеб Константинович, стреляй, стреляй!

– Не бубни под руку! – прошипел Львов, и добавил новый загиб, еще крепче прежнего. – Нишкни, Чапай!

Он примерился к пулемету, покрепче упер приклад в плечо, пошевелил пальцем, разминая сустав...

Очередь прорезала грохот винтовок, точно нож мешковину. Маркин не зря был в Советской Армии пулеметчиком: первые же пули сбили с ног осанистого полковника, а вторая очередь накрыла стоявших рядом офицеров.

– Ага, сволота! – восторженно завопил Василий. – Что, фрицы, скусно?

– Заткнись, пожалуйста, – вежливо попросил Львов. – От твоего голоса в ушах звенит почище, чем от пушки. Чеши лучше в роту и тащи сюда второй взвод. А не то нас тут сейчас убивать начнут...

Немцы не сразу сообразили, откуда бьет этот пулемет. А когда сообразили, было уже поздно: к русским подошел на помощь третий взвод с подпоручиком Полубояровым. Пехотинцы не мешкая установили трофейный «максим», предусмотрительно укрытый запасливым Львовым от недреманного начальственного ока, и атака спешенных улан на старую мельницу захлебнулась под огнем двух пулеметов.

Вернувшийся к командиру Чапаев ликовал, торопливо набивая магазины. Он так увлекся этим занятием, что не сразу расслышал шепот командира:

– ...обидно. Черт, как обидно – вот так нелепо сдохнуть...

Сначала Василий не поверил своим ушам, а потом попытался вскочить на ноги. И вскочил бы, если бы лежавший рядом Львов не ударил его под колено и свалил обратно наземь.

– Василий Иванович, скажи честно: ты дурак, или просто карма у тебя такая – под дурные выстрелы подставляться?

Ответ Чапаева потонул в грохоте «мадсена». Длинная, на две трети магазина, очередь свалила целый десяток улан, а остальных заставила вжаться в землю, мечтая затеряться в невысокой траве. С правого фланга застучал MG-08, окончательно срывая очередную попытку атаки.

Когда стрельба поутихла, младший унтер-офицер Чапаев все-таки рискнул спросить:

– Ваше благородие, а чего помирать-то собрались?

Прежде чем ответить, штабс-капитан вытащил из кармана портсигар, достал ароматную папиросу «Зефир», закурил и выпустил тонкую струйку дыма.

– Видишь ли, Василий Иванович, – произнес он неестественно спокойно, – долго мы не продержимся. Нас застукали, считай, со спущенными штанами, так что особых надежд на благополучный исход этой драки у меня лично очень мало. И с каждым отстрелянным патроном остается их все меньше и меньше...

– Но почему?!

– Потому, – жестко отрезал Львов. – Их тут – целый полк, а нас – и полной роты не наберется. Патронов нам хватит на два, пусть – на три часа хорошего боя, а потом? В плен мы сдаваться не собираемся, значит, в штыки? Я вам скомандую: «На нож!», и пойдем мы в свою последнюю атаку...

Василий Иванович задумался. Только что он был готов торжествовать очередную победу, к которым привык, служа под командой Львова, но жестокие слова штабс-капитана заставили его взглянуть на ситуацию с другой стороны. И хотя эта сторона ему не больно-то нравилась, он не мог не признать правоту Львова. Надо бы отойти, но как оторваться от этих треклятых германцев? Да и куда бежать? Где теперь искать своих? Кто знает, сколько этих немцев и докуда они смогли добраться?..

Уланы снова поднялись в атаку. В этот раз пулеметчики сэкономили патроны и подпустили немцев поближе. Вместе с длинными, напористыми очередями почти в упор в наступающих полетели ручные гранаты, и атака снова захлебнулась.

На мгновение стрельба полностью прекратилась, и наступила какая-то странная, ненормальная тишина. Лишь где-то далеко бухали орудия да изредка вскрикивал какой-то тяжело раненый улан.

Внезапно Львов приподнялся на локте и прислушался.

– Чапаев, слышишь? – спросил он тихо.

Василий Иванович напряг слух и явственно расслышал топот множества копыт.

– Ну вот, собственно, и все, – все с тем же истерическим спокойствием произнес штабс-капитан. – Знаешь, что это такое?

Хотя унтер и догадывался, но почему-то отрицательно помотал головой.

– Это кавалерийский полк. Еще один. И идет к нам... – Львов усмехнулся какой-то мертвой усмешкой и хлопнул Чапаева по плечу: – Василий Иванович, ты песню «Врагу не сдается наш гордый „Варяг“» знаешь? Можешь запевать, потому что это – наш последний парад...

С этими словами он вытащил свой маузер, прищелкнул колодку и положил его рядом, потом поудобнее ухватил пулемет...

Уланы, как видно, тоже слышали подходящее подкрепление и снова рванули вперед. Пулеметы снова загрелись, но боеприпасы к немецкому трофею уже заканчивались, поэтому подпоручик Полубояров приказал экономить патроны. Правильное решение, но не в такой ситуации...

Ободренные тем, что плотность огня упала, немцы бросились вперед. «Мадсен» яростно огрызался короткими очередями, ожесточенно хлопала трехлинейка, но с каждой минутой становилось все понятнее: русским не устоять...

Чапаев сунул набитый магазин своему командиру и вдруг услышал совершенно не подходящие к погоням штабс-капитана слова. Львов не пел, не кричал, а словно бы яростно выплевывал слова:

Это есть наш последний
И решительный бой...

Даже через грохот выстрелов уже доносился напористый тугой стук копыт. И вдруг...

«Шашки-и-и... ВОИ!»

– Наши! – заорал, вскакивая, конопатый рыжий ефрейтор с Георгиевским крестом на груди. – Ура!

Борис Владимирович Анненков гнал своего жеребца Бокала, а в голове есаула уже считал варианты настоящий тактический компьютер. Полковник Рябинин прикинул возможные варианты развития немецкого наступления, и все эти варианты ему очень не нравились.

Движение кавалеристов на Минск – и город рухнет им прямо в руки. Прямо как в сорок первом, мать его! Пойдут на Вильнюс – ничуть не лучше. Вильнюс в это время – город, куда важнее в стратегическом плане, чем Минск. Э-эх! Если бы русское командование заранее позаботилось о создании мобильной группы хотя бы из трех-четырех дивизий кавалерии с достаточными артиллерийской и саперной составляющими, могли бы спарировать удар. Или нанести свой удар по тылам и линиям снабжения противника. Но все воюют по старинке: медленно перемещают пехотные части со скоростью двадцать, много – тридцать километров в сутки, стараются раздолбать оборону друг друга только артиллерией, причем без нормальной разведки целей, а потом – в штыки! Ура! Стратеги хреновы!..

Где-то в стороне грохотали орудия, хлопали шрапнельные снаряды, но в расположении четвертого Сибирского казачьего полка еще было тихо. Правда, «тихо» означало лишь то, что не было боя...

В казачьем полку царило то, что обычно именуют «пожар в бардаке во время наводнения». Еще не паника, но очень близко. Их высокоблагородие полковник Михайловский изволили пребывать в банальном ступоре. Соображал, видать, болезный, что это такое с ним и с его полком приключилось? Его заместитель, войсковой старшина Инютин, наоборот: метался по штабу вспугнутой курой и отдавал противоречащие друг другу приказы. Прочие же господа офицеры исхитрились сгрудиться в одном месте – должно быть, чтобы, ежели что, одним снарядом всех и накрыло, – и ждали, пока персоны начальствующие примут хоть какое-то решение. А сами проявить инициативу отказывались категорически...

«Ну, если так – вперед!» – решил про себя Анненков-Рябинин, соскочил с коня и упруго подошел к Михайловскому:

– Господин полковник, срочное сообщение.

– Э-эм? – откликнулся Михайловский и посмотрел на Анненкова мутными глазами снулой рыбы.

«Блин-клинтон, еще бы от него перегаром тянуло, точно сказал бы, что пьян», – хмыкнул про себя есаул, но вслух продолжил:

– Наши соседи – Бутырский пехотный полк просят помощи. Их кавалерия атакует, числом – до бригады.

– Хм-м? – недоверчиво поинтересовался полковник. – Э-э-э?

– Их артиллерией кроют, дивизионная артиллерийская бригада в стороне, наверное, разбита. Помочь надо, господин полковник. Раскатают ведь махру...

Михайловский долго молчал, а потом внезапно встрепенулся, словно бы ото сна, и рявкнул во все луженое казачье горло:

– Полк! Слушай мою команду! Первая, третья, четвертая сотни – под командой есаула Анненкова, остальным – за мной! Двумя колоннами – в расположение шестьдесят шестого полка! Марш-марш!

Когда Анненков-Рябинин пробежал мимо остальных офицеров полка, кто-то бросил ему негромко:

– Спасибо, есаул. А то ведь как каменный уже третий час сидел...

Как и было приказано, двумя колоннами полк влетел в Новый Двор. И сразу же выяснилось, что делать здесь более нечего. Судя по всему, батальоны полка захватили врасплох минимум две кавалерийские дивизии немцев. Они расшвыряли русских, перебили тех, кто пытался оказать сопротивление, разогнали или пленили остальных и теперь ушли вперед, громя тылы семнадцатой пехотной дивизии и стремясь вырваться на оперативный простор.

– Вы опоздали, Борис Владимирович, – подвел итог Михайловский. – Нам здесь больше делать нечего. Кончились наши героические серые шинели...

Рябинин скрипнул зубами. Да, все верно: пехоту разбили и рассеяли, теперь ее не собрать. Во всяком случае, им. Но вот Львов... Спецназ своих не бросает!

«Да не мог Маркин просто так себя отдать! Уж хотя бы день, да продержался бы... или в леса свалил... – Анненков стиснул кулаки. – Опыт не пропьешь и не продашь. Должен он сопротивляться...»

– Где-то там, – есаул указал плетью, – базируется охотничья команда семнадцатой дивизии. Я слышу стрельбу...

Никакой стрельбы Анненков, разумеется, не слышал и слышать не мог, но говорил так уверенно, что полковник Михайловский невольно прислушался.

– Действительно, – произнес он задумчиво. – Мне кажется, что я тоже что-то такое слышу...

– Определенно стреляют, – подтвердил хорунжий Башков. У него едва-едва пробивались усики, и это было его первое дело. Он ужасно трусил предстоящего боя, а больше того – что кто-нибудь заметит, как ему страшно. – Совершенно точно: пачками садят!

Само собой, что никто ничего не слышал, но никто не хотел показаться глухой тетерей. Все офицеры заговорили, загомонили, наперебой утверждая, что они ясно слышат бой.

– Так чего же мы ждем, господа? Вперед! Марш-марш!

И полк помчался туда, где на старом, брошенном фольварке располагались охотники...

Через полчаса бешеного галопа до казаков действительно донеслась стрельба. Звуки залпов словно пришпорили казаков, и они поскакали еще скорее. Анненков еле-еле успел уговорить полковника выслать вперед дозор с тем, чтобы разобраться: какими силами обороняются наши, какими силами атакует противник и откуда ловчее вмешаться в бой?

Есаул лично возглавил пошедших на разведку. Он заставил казаков спешиться и подобрался по-пластунски почти к самому расположению вражеских кавалеристов.

Немцы заметно нервничали. Уже третья атака, казалось бы, на беззащитную против кавалерии пехоту русских, но проклятые русские не подались назад ни на шаг, а потери составили едва ли не половину полка!

Появление у противника пулеметов оказалось неприятным сюрпризом, и уланский полковник решил, что с него хватит терять своих солдат в бесплодных атаках. Он отправил двух улан к соседу за помощью и теперь с нетерпением ожидал ответа от восемнадцатого саксонского гусарского полка. Но все никак не мог дожидаться...

...Двое улан и гусарский лейтенант нещадно нахлестывали коней. Саксонцы уже спешат на помощь своим товарищам, и нужно немедленно сообщить командиру уланского полка об этом и о том, что саксонцы идут по старой лесной дороге, которая не отмечена на карте.

Особенно торопился лейтенант Вейзен. Он совсем недавно выпустился, окончив обучение, в полк, буквально два месяца тому назад получив заветные офицерские погоны, и теперь, теперь...

В прошлое посещение родного дома в Альбертштадте – маленьком городке под Дрезденом – лейтенант чувствовал себя подлинным триумфатором! Отец привел его в свою любимую пивную и...

– ...Ну-с, господин лейтенант, – веско произнес учитель гимназии, которую три года назад закончил юный Вейзен. – Значит, вы едете на фронт, добывать победу для Фатерлянда?

– Да, – ответил лейтенант, с трудом подавив в себе желание прибавить «господин учитель». – Нас отправляют на восток, чтобы решить вопрос с Россией.

– И это правильно! – воскликнул учитель с жаром. – Это великолепно! Я всегда говорил, говорю и буду говорить: будущее Германии – на востоке! Мы возьмем эти земли и построим там новый порядок! Германский порядок! – он щедро наполнил рюмки отца и сына Вейзен и поднял свою. – Прозит!

– Прозит! – поддержали его отец, почтмейстер и начальник станции.

– А я говорю – нет! – рявкнули в унисон брандмейстер и полицмейстер. – Надо как можно скорее принудить Россию к миру и обрушиться всеми силами на Францию! Мы должны разгромить французов и преподать урок этим предателям-англичанам! Ведь верно же, господин лейтенант?

«Господин лейтенант» купался в лучах славы, наслаждаясь тем, что его мнения спрашивают первые люди города. Его распирало от гордости, и он просто растворялся в мечтах о будущем...

А теперь Вейзен мечтал о Железном кресте. Если в следующий раз он придет домой с крестом на кителе, то... Его отец, чиновник магистрата, будет на седьмом небе от счастья, а Лизхен... впрочем, тогда можно подумать и о ком-нибудь другом: все-таки Лиззи безнадежно глупа и провинциальна. В конце концов, герой войны может рассчитывать и на лучшую партию. Вот, например, у барона Гидау подросли две дочери, и старшая – Ольга – чудо как хороша! Однажды он видел ее, когда она прогуливалась в открытом ландо. Тогда она не обратила на него никакого внимания, но на героя войны... О, это совсем другое дело!..

Тут на лейтенанта Вейзена снизошло вдохновение, и он будто наяву представил себе свидание с баронессой Ольгой. Но почему-то это его не удовлетворило, и он задумался о том, что у его полковника, графа Рейнхарда фон Клотца тоже, по слухам, имеется дочь-красавица. И вполне возможно, что полковник обратит внимание на своего офицера-героя...

Мечты унесли лейтенанта в заоблачные эмпиреи, и ему же виделось, как сам кайзер вешает ему на шею крест голубой эмали²³ и предлагает юному герою обратить внимание на одну из его дочерей. Но внезапно все оборвалось, причем самым неожиданным и неприятным

²³ Имеется в виду орден Pour le Mérite (с фр. – «За заслуги») – высшая военная награда Пруссии, которую носили на шее. Также известен по неофициальному названию «Blauer Max» («Голубой Макс»).

образом: что-то с ужасающей силой ударило его чуть ниже уха. В голове сразу же зашумело, перед глазами заплескали яркие огоньки, и лейтенант сам не заметил, как вывалился из седла.

Вейзен пришел в себя и с удивлением обнаружил, что не может пошевелить ни рукой, ни ногой. Вернее, пошевелить он может, только при этом почему-то перехватывает горло и становится нечем дышать.

– Не надо дергаться, – произнес негромкий голос на вполне приличном хохдойч. – Не стоит, а то удавишься.

Над лейтенантом стоял высокий, плечистый человек в русском мундире. Вейзен покрылся холодным потом: мундир оказался казачий! За свое недолгое пребывание на фронте юноша успел наслушаться леденящих кровь историй о нечеловеческой жестокости и безудержной кровожадности казаков. И вот он попал в руки этих людоедов, которые пожирают германских младенцев и пьют кровь германских девушек?! Боже, боже!..

Анненков смотрел на пленного офицера с холодным любопытством токаря, прикидывающего, какой резец использовать первым, какой – вторым. Наконец он принял решение и обратился к пленнику:

– Ну-с, любезный, и куда же вы так спешили? Давайте, излагайте быстрее, у меня мало времени.

Лейтенант судорожно сглотнул, затем попытался что-то сказать, но лишь беззвучно открыл и закрыл рот.

– Послушайте, гусар, – полковник Рябинин окончательно взял власть в свои руки. – Вы из саксонского полка, здесь – прусские уланы, – он перехватил взгляд лейтенанта и надавил своим взглядом. – Я понимаю, что Львов натянул уланам глаз на жопу и они запросили поддержки. Вопрос первый: на помощь должен прийти только ваш полк или вся дивизия? – тут он перешел на шипение взбешенной кобры, продолжая давить пленника взглядом: – Отвечай, засранец, а не то я тебе сейчас глаз вырежу!

С этими словами он вытащил нож и приставил острое к лицу Вейзена.

Лейтенант заверещал пойманной крысой и сделал попытку отползти, но аркан, которым он был спутан, затянулся, и пленник задержался и захрипел.

– Ну! Выкладывай!

И, рыдая от страха и унижения, Вейзен принялся выкладывать. Ему очень не хотелось отвечать, но умирать не хотелось еще сильнее...

– ...Так что, господин полковник, необходимо бить сейчас, пока не поздно.

Михайловский помолчал, а затем кивнул. В свое время он по малолетству не успел на турецкую войну, потом не попал на японскую, а теперь... Теперь ему очень хотелось показать, что он не уступает своим многочисленным предкам, прославившим род Михайловских в войнах и сражениях. Поэтому раздумывал полковник недолго. Привстав, он крикнул:

– Казаки! За мной! Марш!

Уже подлетая к дороге, казаки опустили пики и с разгона влетели в стройную колонну саксонских гусар. Те смешались, разлетаясь, точно брызги от камня, брошенного в лужу, последний эскадрон кинулся наутек, остальные же приняли бой в самых невыгодных условиях. Казаки набрасывались на немцев с разных сторон, свистели шашки и гремело страшное русское «ура!».

Два эскадрона, шедших передовыми, попытались оторваться от противника, уходя на позиции уланского полка. Четвертый Сибирский рванулся за ними. Казаки снова взяли за пики и, настигая, кололи немцев в спины. Те пытались отбиваться саблями, но тщетно. За весь бой с обеих сторон не прозвучало и десятка выстрелов.

Наконец лес раздался, и Анненков, привстав в стременах, увидел развалины какого-то строения, к которому ползли фигурки в фельдграу и касках с четырехугольными наверху. Он не успел отдать команду, как справа от него раздалось:

– Шашки вон!

И на улан обрушилась казачья лава. Спешенные уланы не умели обороняться от всадников. Будь они верхами, они еще могли бы попробовать за себя постоять, но тут...

Кто-то пытался стрелять, кто-то выставял бесполезный штык, кто-то хватался за саблю, а большинство ударилось в бессмысленное бегство, стремясь хоть на миг продлить свою жизнь...

4

Немцы пользуются сочинением московского профессора

«Опиньон» сообщает, что у многих немецких солдат, убитых в районе применения немцами удушливых газов, были найдены маленькие брошюры с рисунками. Эти брошюры были отправлены в генеральный штаб, где после перевода выяснилось, что брошюра содержит извлечения из труда профессора московского метеорологического института Михельсона, известного своими наблюдениями в области русской климатологии.

Брошюра была отпечатана в 1904 г.

В начале войны она была издана в сотнях тысяч экземпляров.

Немцы слепо доверяются наблюдениям, указанным в брошюре, и на основании их применяют свои удушливые газы.

Профессор Михельсон, по словам той же газеты, узнав о том, как немцы воспользовались его трудом, работает над тем, чтобы найти средства борьбы с удушливыми газами.

Полезные указания, собранные им, он изложил в брошюре, названной: «Когда немцы пользуются удушливыми газами».

«Петроградский листок», 4 сентября 1915 г.

Модницам на руку

Варшавские портнихи открыли в Петрограде несколько мастерских, благо с ними приехали и их мастерицы. Так как многие состоятельные дамы и прежде возвращались из-за границы в столицу, прикупив в Варшаве наряды, то и сейчас варшавянки не без основания рассчитывают на заработок; к тому же у нас именно нет портних средней руки: они работают задешево, кое-как, другие – дерут «за фасон» безбожные цены.

«Русское слово», 4 сентября 1915 г.

Через сорок минут все было кончено. Остатки улан и гусар согнали в кучу, а навстречу Анненкову вышел Львов. Полковник Рябинин оглядел товарища и невольно усмехнулся:

– Что, друже, лавры Рэмбо спокойно спать не дают?

Львов-Маркин недоуменно моргнул, почесал нос и лишь потом понял. Расхохотался, снял с плеча пулемет и стянул с головы повязку, удерживавшую потные волосы.

– А я, честно говоря, думал, что больше похож на Шварца...

– На убийцу ты похож, – хмыкнул Анненков. – Вон сколько накрошил, даже меня в дрожь кидает...

– Ага... Трындеть – не мешки ворочать. Тебя в дрожь только Хиросима бросить может. И то если с Нагасаки и Токио объединится...

– Ну-ну... Веселишься?

– Радуюсь, что жив остался.

Анненков-Рябинин удовлетворенно кивнул:

– Это – да...

– Слушай, я тут вспомнил, что ты должен вывести полк из окружения, – сказал Львов. – И краем уха слышал, что ваш полковник погиб в сабельной атаке...

Анненков снова кивнул:

– Я видел, как его застрелил какой-то офицер. Его тут же срубили, но поздно...

– А еще я слышал, что вроде как единственный есаул в полку, который уцелел. Так, нет?

– Так, а что толку? Командовать будет войсковой старшина Инютин, так что...

– А он где? – быстро спросил Львов. – Что-то я его не видел.

– Да вон там, – Анненков-Рябинин махнул рукой. – Сидит наш герой, шевельнуться не может. Его дважды штыком достали.

– Ага, – задумчиво произнес Львов. – Так я пойду, доложусь ему?

– Иди-иди... – есаул уже шагнул к своей сотне. – Как закончишь – подходи. Надо кое-что обкашлять...

И он двинулся дальше, слегка удивляясь едва донесшимся тихим словам штабс-капитана: «Ты даже не представляешь, как надо-то...»

Львов появился в расположении анненковской сотни минут через двадцать пять – тридцать. Подошел к есаулу и весело спросил:

– Ну, и чего ты говорил про вашего подполковника? Подхожу я к нему, докладываюсь по форме, а он, бедолага, остыл уже...

Полковник Рябинин посмотрел на товарища, заглянул в его слишком честные глаза, а затем ухватил штабс-капитана за плечо:

– А пойдем-ка, поговорим... – и потащил его за собой.

– Ты чего, рехнулся? – спросил он, когда оба отошли метров на сто и никто не мог их услышать. – Ты на хрена это сделал?

– Что?

– Можешь кому другому баки забивать, а мне – не надо! Ты зачем Инютина активировал?!

– Я?!

– Наконечник от копья! Ты объясни внятно: на хре-на?! А если бы кто-то увидел?

– Никто ничего не увидел, – усмехнулся Львов. – Подумаешь, бином Ньютона: дурака, в котором и так душа еле держится, чуть-чуть подтолкнул.

– Ты в следующий раз подумай! Полезно, знаешь ли!..

– Да чего ты так кипятишься, полковник?! Ну, упокоил я какого-то Инютку, так ты ведь сам говорил...

– Ни хрена я тебе не говорил! И больше такой самодеятельности не требуется!

– Да ладно тебе.

– Бл...! Офонарели вконец! Баха слушаете, Рембрандта обсуждаете, а потом режете всех вокруг! Я с вас чумею, дорогая редакция... – Анненков-Рябинин покачал головой. – Ну, и чем ты его приголубил?

– «Вязальной спицей». Вот... – и Львов-Маркин вытащил не то очень длинный стилет, не то очень короткую рапиру.

– Дай-ка взглянуть... Где ты это взял? – Анненков с недоумением повертел оружие в руках и признался: – Не видал такого. И что это будет?

– Прошу любить и жаловать: французский штык к винтовке «Лебель», получивший у немцев прозвище «вязальная спица». У немца одного затрофеил... – штабс-капитан усмехнулся. – Он, видать, на Западном фронте эту игрушку притырил, а я – у него... Он тоньше нашего, плюс рукоятка имеется. В семнадцатом с такими в окопы врывались...

Возвращая штык, Анненков невесело усмехнулся:

– Всегда опасался вашего брата – образованных да начитанных. Хрен поймешь, чего от вас ждать...

Львов лишь рассмеялся.

– Ладно, – сказал Анненков, – раз ты такой образованный, излагай: чем это наступление кончится?

– Ну, Вильнюс потеряем, Минск – тоже... кажется...

– Та-а-ак... – Анненков задумался. – Сколько у тебя штыков?

– Перед боем было человек триста, сейчас, надо полагать, меньше...

– Замечательно. У меня перед боем было восемьсот тридцать два человека. Сейчас тоже меньше.

– Может, отпустишь переключку сделать? – Львов-Маркин вдруг усмехнулся. – Между прочим, у меня два пулемета. Вот этот, – он встряхнул «мадсен», – и трофейный MG-08. Правда, к последнему патроны почти кончились...

Анненков заржал:

– Твое благородие, ты в своем уме? Сейчас трофеи соберем – у тебя к нему патронов будет хоть залейся.

Выяснилось, что под началом есаула Анненкова насчитывается шестьсот тридцать два казака и сто девяносто охотников. Конечно, немного, хотя не так уж и мало. С вооружением дело обстояло намного лучше: в отряде имелись два пулемета, девятьсот двенадцать трехлинейных винтовок пехотного, драгунского и казачьего образца²⁴, двести шесть револьверов наган и триста одна ручная граната.

Кроме того, имелись восемь пистолетов маузер, два кольта и три браунинга «второй номер»²⁵. Еще были трофеи, в числе которых: кавалерийских карабинов маузер – тысяча тридцать одна штука, пистолетов парабеллум LP-08 – сорок пять штук, гранат ручных немецких – сто двадцать штук. Сабли и пики пересчитывать не стали: нечего возиться с бесполезным металлом. Вернее – с металлоломом...

После того как проверка личного состава и инвентаризация успешно завершились, настал черед выработки плана дальнейших действий...

– ...Господа офицеры!

Собравшиеся в чудом уцелевшем хуторском амбаре офицеры встали.

Анненков-Рябинин прошел к импровизированному столу и уселся на старый бочонок:

– Прошу садиться.

Львов устроился на трофейном складном стуле, остальным пришлось довольствоваться здоровенным обрубок бревна и перевернутой поилкой.

– Господа, на повестке дня главный вопрос: что будем делать дальше?

– То есть как? – ахнул подъесаул Черняк. – Мы что, сдаваться будем?!

– Ну, это – вряд ли... – хмыкнул Анненков.

– И, если я правильно понимаю, в плен нас брать будут тоже очень вряд ли, – прошептал Львов так тихо, что никто ничего не расслышал.

Лишь есаул угадал это по губам и чуть заметно кивнул головой, после чего приказал:

– Прошу высказываться от младших к старшим.

Двое подпоручиков и хорунжий предложили пробиваться к своим. Следующим говорил Львов-Маркин:

²⁴ Драгунские винтовки состояли на вооружении охотничьих команд. Пехотные винтовки были длиннее, а казачьи были почти такими же, как драгунские, но пристреливались без штыка. Казаки вообще не имели штыков, исключая пластунов.

²⁵ Перечисленные выше пистолеты относились к т. н. «рекомендованным системам», т. е. к системам оружия, которыми офицерам разрешалось, приобретая их за свой счет, заменять штатные офицерские наганы. Их дозволялось носить в строю и вне строя в соответствующих кобурах.

– Предлагаю остаться в тылу противника и нанести максимально возможный ущерб его коммуникациям и тылам.

– Как это?! – раздались недоуменные голоса. – Что значит «остаться»?

– Если кто-то плохо помнит историю Отечественной войны, поясняю: как Денис Давыдов.

Анненков снова кивнул, но на сей раз так, что это заметили и поняли все.

– Я согласен со штабс-капитаном, – заявил Черняк. – И опыт славных героев Дона Платова и Уварова учит нас тому же.

– Ну, до героев Дона нам еще далеко, – холодно заметил Анненков, – но мыслите вы, господа, в правильном направлении. Штабс-капитан, а напомним-ка мне: кто там командует сейчас у немцев?

– Где именно командует, господин есаул? – уточнил Львов. – Вас интересует командующий армией, кавалерийской группой, атаковавшей нас, или командующий фронтом? Я полагаю, что вас не интересуют кайзер Вильгельм и начальник Генерального штаба Фалькенгайн? – улыбнулся он весело.

– Не интересуют, – все так же холодно подтвердил Анненков. – Кто командует фронтом?

– Генерал Пауль фон Гинденбург. Десятой армией, которая нам врезала, – генерал-фельдмаршал Герман фон Эйхгорн, господин есаул.

– И как, по-вашему, наш командующий против него, а?..

Штабс-капитан задумался, затем определил:

– Алексей Ермолаевич Эверт – генерал неплохой. Имеет боевой опыт, да и авторитетом в войсках пользуется... Опять же – грамотный штабной работник... – он снова задумался, а потом закончил: – А все же против Эйхгорна он, пожалуй, не тянет... Нет, точно: Эверт Эйхгорну не соперник, особенно с учетом преимущества в организации, связи и логистике.

– В чем, извините? – спросил изумленный подъесаул Черняк. – В чем они нас превосходят?

– В логистике, – пояснил вместо Львова Анненков. – Новомодное словечко, означающее снабжение – от перевозок до складской работы, – он немного подумал и добавил: – На будущее, Глеб Константинович, будьте осторожнее со словами, которые вы подцепили на Балканах. Их понимают далеко не все.

Львов негромко фыркнул, но ответил совершенно спокойно:

– Прошу меня извинить, господа. Иногда очень трудно отказаться от удовольствия воспользоваться емким словом...

Он собирался сказать что-то еще, но есаул перебил его:

– Я полагаю, господа, что мы изрядно поможем нашим войскам, если нанесем визит в штаб герра Эйхгорна. Особенно, если наш Эверт ему уступает...

На следующий день Анненков разослал разведывательные группы с целью уточнения окружающей обстановки. К вечеру почти все группы вернулись, доложив однотипное: «Господин есаул, в двадцати верстах, в районе деревни Солонье, обнаружили германский разъезд. Бой не приняли, отошли». Менялось только расстояние – от пятнадцати до двадцати пяти верст, да название и тип населенного пункта.

Выслушав очередной типовой рапорт, Анненков-Рябинин поморщился и, наконец, не выдержав, спросил:

– Почему не приняли бой, сотник?

– Но, господин есаул, – растерялся тот. – Я не знал численности противника, и потом...

– Потом уже ничего не было, – оборвал его Анненков. – Что вы узнали?

– Что на хуторе Вербивки германцы...

– Сколько?

– Ну, мы видели только разъезд, но я полагаю...

– Сотник, вам карты дать? – снова прервал его Анненков.

– Карты? Какие карты?..

– Гадальные. И длинную юбку с цветастым платком. И будете гадать на картах, как и полагается цыганке.

Сотник Емельянов побледнел и пошел красными пятнами:

– Вы не смеете...

Анненков смерил его ледяным взглядом:

– Вы свободны, сотник. И, кстати, вы не видели: штабс-капитан уже вернулся?

– Мне кажется... – начал Емельянов, но тут буйная натура Анненкова возобладала над полковником Рябининым, и разрушенный хутор сотряс дикий рев разъяренного медведя:

– Идите креститесь, гимназистка! Убирайтесь, пока я вам морду не разбил! Кажется ему, медиум х...в! Вон!!! Я сказал – ВОН!!!

Сотник выскочил точно ошпаренный, а Анненков еще немного побушевал, прежде чем полковник Рябинин сумел обуздать потенциального атамана. Есаул постоял несколько секунд, затем занялся дыхательной гимнастикой. Сел, помедитировал, после чего достал портсигар и серебряную спичечницу и с наслаждением закурил.

«Ну почему они здесь такие?! Вроде и не тупые, а вот поди ж ты!.. То на разъезд напасть менжуются, то в одиночку готовы с шашкой наголо эскадрон вражеский атаковать... Интеллигенты, мать их так!.. Вот и выходит, что кроме Маркина и послать-то некого. Только неспокойно как-то... Впрочем, как и всегда, когда приходится иметь дело с непрофессионалами. Этот „любитель“ тоже тот еще фрукт...»

Львов бесшумно отвел ветку и вгляделся в наступающие сумерки. Ага, вот и он, красавчик. Клиент. «Наш интересант», как говорит Рябинин. Офицер. Командир отдельной саперной роты. Гауптман, надо полагать. Хотя может оказаться и майором, но это хуже. Если майор застрял на должности комроты – хреновый это майор. Разве что из молодых да ранних, но это тоже не айс. Выскочек не любят и инфу дают в обрез, только то, что действительно необходимо. Но, как говорится, дареному коню в зубы не смотрят. А ворованному – тем более...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.